

смарованим

КЕЙТЛИН БИТНЕР РОТ

Строптивая
красавица

Annotation

Родители-нувориши раз и навсегда определили будущее Аланы — красота сулила девушке выгодное замужество с представителем старой аристократии Бостона. Однако Алана, мечтающая о свободе и независимости, предпочла полное приключений путешествие в компании следопыта Вулфа. Прошлое его темно, а в настоящем он полностью подчинил себя одной-единственной цели — найти и покарать убийц своей матери. Разве такой мужчина может сделать счастливой столичную наследницу? Однако страсть не ведает голоса рассудка, а любовь способна творить чудеса.

Кэйтлин Битнер Рот

Строптивная красавица

© Kathleen Bittner Roth, 2016

© Перевод. В. А. Суханова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Рождественская ночь, 1830 год

Стоя у окна верхнего этажа, шестилетний мальчик видел, как из дома выскользнула одинокая фигура и исчезла в снежной пелене. Ком подступил к горлу малыша, и он с трудом сглотнул, борясь с ужасом, зашевелившимся в душе.

Миссис Гатри была последней из слуг, покинувших особняк, чтобы вместе с семьей отпраздновать Рождество. Мальчика охватывала дрожь при мысли о том, что ему предстоит провести эту ночь без няни, одному в комнате. Он повернулся и с удрученным видом направился к своей кровати, стараясь не смотреть туда, где залегали глубокие тени.

И тут снизу донесся негромкий стук. Мальчик замер, напрягая слух. Может быть, это кровь стучала у него в висках? Но нет, внизу снова раздались глухие удары.

Охваченный паникой, мальчик пулей пронесся по темному коридору и вбежал в спальню родителей. Его мать полулежала в постели, откинувшись на высоко взбитые подушки, с книгой в руках. Мягкий свет лампы озарял ее лицо, на котором блуждала улыбка.

— Мама!

Тяжело дыша от страха и быстрого бега, он быстро взобрался на родительскую кровать под балдахином, опирающимся на четыре резных столба. Мать обняла его и прижала к себе.

— Не бойся, это старое дерево под порывами ветра стучит о стену дома, дорогой, — ласково сказала она.

— Угу, — пробормотал малыш, уткнувшись лицом в мягкий живот матери.

Она потерлась щекой о макушку сына.

— Когда папа вернется из Англии, он распорядится, чтобы его спилили. Хочешь, я почитаю тебе перед сном?

— Угу.

От матери исходил знакомый запах, смешанный с ароматом свежего постельного белья. Он внушал чувство безопасности и уюта, успокаивал и навевал дремоту. Забравшись под одеяло, мальчик снова прижался к маме и закрыл глаза, приготовившись слушать сказку.

Но тут тишину дома разорвал звон разбившегося стекла. Тело матери напряглось, и ее тревога передалась сыну. Он широко открыл глаза.

— Мамочка, что это?

— Тсс!

Глухой шум пронесся по всему дому. У мальчика от страха сжалось сердце.

— Мама, это вовсе не дерево... — начал было он, но мать зажала ему рот рукой.

— Ни слова... — прошептала она и, укутав в одеяло, заставила залезть под кровать. — Спрячься подальше! Прижмись к стене!

Мальчик всхлипнул.

— Тихо! — снова зашептала мать. — Что бы ни случилось, не издавай ни звука, пока я не скажу, что мы в безопасности. Никто не заметит, что ты здесь, если будешь лежать тихо.

Дрожащими пальцами мальчик раздвинул складки одеяла. Теперь из-под кровати он видел отражение матери в большом, тускло освещенном зеркале, стоявшем напротив. Ее лицо было напряженным.

Дверь спальни распахнулась, мать заерзала на постели, и пружины кровати громко

заскрипели, оглушив мальчика. В поле его зрения показались мужские начищенные до блеска черные ботинки. Мальчик засунул в рот уголок одеяла, чтобы сдержать рвущийся из груди крик.

— Вы! — ахнула мать.

Незнакомец решительным шагом приблизился к кровати, и в зеркале появилось его отражение. Мальчик видел незваного гостя со спины. Это был черноволосый человек с толстой шеей. Дрожа всем телом, малыш прижался к стене.

— Так-так, — произнес мужчина грубым голосом. Теперь он стоял у самой кровати, мысы его ботинок были в полуметре от мальчика. — Думаю, вряд ли стоит говорить о том, что никто не явится к вам на помощь. Вы прекрасно знаете, зачем я пришел.

Вжавшись спиной в подушки, мать натянула одеяло до шеи.

— Вы не найдете в этом доме то, что ищете.

— И где же мне в таком случае искать, мэм?

Женщина промолчала, и тогда незнакомец ударил ее по лицу.

— Извольте отвечать!

Мальчик впился зубами в одеяло. Ничего не добившись, незнакомец стал обыскивать комнату. Изрыгая проклятия, он выдвигал ящики комода и рылся на полках шкафа, швыряя на пол все, что в нем лежало. Затем он снова подошел к кровати и опустился на колени. Мужчина был так близко, что мальчика вновь охватила паника. Он зажмурился и затаил дыхание. Мочевой пузырь малыша не выдержал таких испытаний, и он непроизвольно помочился прямо в одеяло. Что, если ворвавшийся в их дом человек учует запах мочи?

В дверь спальни негромко постучали. Мужчина встал и двинулся к двери. Мальчик открыл глаза. Когда дверь распахнулась, он увидел ноги еще одного мужчины, стоявшего на пороге. Незваные гости некоторое время тихо переговаривались. Затем второй мужчина ушел, а первый снова приблизился к кровати.

— Вы заставляете меня нервничать, мэм! — проревел он. — Но я заставляю вас говорить!

Мужчина наклонился над ней и вцепился в плечи. Мальчик все это видел в зеркале.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась мать.

Сдавленный звук клокотал в горле незнакомца. Он размахнулся и сильно ударил женщину. На ее лице появилась кровь. «Мамочка, мама, — повторял про себя малыш, — как же мне помочь тебе?» Он не хотел, чтобы она страдала, но страх сковывал его тело, заставлял прижиматься к стене.

Мужчина снова нанес удар, а затем, упершись коленом в край кровати, стал душить свою жертву. Вцепившись ей в горло, он тряс женщину, как тряпичную куклу. Из его груди вырывались свистящие звуки. Наконец он швырнул ее на подушки, вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Перепуганный мальчик не решался вылезти. Забившись в дальний угол, он смотрел в зеркало на отражение неподвижной фигуры матери. Ее рука безжизненно свисала с кровати. Мальчик увидел лежавшую на полу серьгу и быстро схватил ее.

Едва он успел отползти к стене, как дверь распахнулась, и незнакомец снова переступил порог спальни. Мальчик снова увидел блестящие ботинки. Они приблизились к кровати. Мужчина стал что-то искать на полу, бормоча проклятия. Его рука шарилась по половицам в опасной близости от мальчика. Не найдя то, что искал, незнакомец грязно выругался, вырвал из уха женщины оставшуюся серьгу и удалился.

Боясь, что злодей вернется, мальчик долго сидел под кроватью, глядя на отражение матери. Поленья в камине прогорели, угли остыли и превратились в золу, в комнате стало холодно. По щекам малыша текли слезы, но ужас не позволял ему покинуть свое убежище.

На следующее утро мальчика и его мертвую мать нашли вернувшиеся в особняк слуги. Опасаясь, что убийцы вернутся за малышом, они тайно отправили его в деревню, где он должен был дожидаться возвращения отца. Убитый горем, он не выпускал из ладошки единственную вещь, которая напоминала ему о матери, — золотую серьгу с гранатом.

Дни складывались в месяцы, а месяцы — в годы, однако отец все не приезжал. Он так и не вернулся домой.

Сан-Франциско, 1854 год

— Скажи, Вулф, ты долго еще собираешься заниматься проблемами других людей, не желая решать собственные? Ведь ты так и не нашел убийц своей матери!

Холодок пробежал по спине Вулфа, когда серьезный женский голос, произнесший эти слова, вывел его из оцепенения. Он заерзал на стуле, но, обведя глазами элегантный ресторан в отеле, который принадлежал семье Дианы, с облегчением заметил, что на ее вопрос никто не обратил внимания. Во всяком случае, вокруг не стихали разговоры и шутки. Шум голосов не могла заглушить даже музыка, доносившаяся из дальнего конца зала, где стоял рояль.

Последние двое суток Вулф много пил, поэтому сегодня за столом не притрагивался к алкоголю, потягивая воду. Тем не менее, услышав вопрос Дианы, он почувствовал, что во рту у него пересохло. Большую часть жизни он проводил в седле, разыскивая пропавших людей, и чертовски устал от этого занятия. Последние несколько недель он вместе с Тревором Андрузом занимался поисками его невесты, которую похитили индейцы. Доставив девушку в Сан-Франциско, он немного отдохнул, но ему пора было снова собираться в путь. Вулф с отвращением думал о том, что завтра утром придется опять садиться в седло и ехать домой в Миссури.

Сколько еще побед суждено ему одержать над хищниками, прежде чем он совершит роковую ошибку? Сколько еще опасных поручений он выполнит и получит вознаграждение от тех, кто не знал, каким одиноким чувствовал себя Вулф, когда возвращался из экспедиций? Сколько месяцев или, быть может, лет пройдет, прежде чем он упадет из седла на землю и больше не встанет?

— И что же ты на это скажешь? — раздался голос Кэмерона Андруза, кузена Тревора, совладельца прибыльной судоходной компании.

Кэмерон сидел напротив Вулфа, рядом с Дианой, и хорошо слышал ее вопрос. Серьезный тон кузена Тревора расстроил Вулфа не меньше, чем слова Дианы. После того, как Тревор и Селина поженились и отплыли в Китай, у Вулфа осталось только два друга — Кэмерон и Диана. Но если и дальше так пойдет, то эти двое, пожалуй, лишатся его дружбы.

— Продолжай, Диана, выкладывай все, что ты хотела еще сказать. Что же касается меня, то мне нечего ответить на твой вопрос, — заявил Вулф.

— Да, тебе не дано быть дипломатом, — сказал Кэмерон, поднеся к губам десертную вилку с кусочком шоколадного торта.

Вулф отодвинул свою тарелку в сторону и взглянул на друзей. У Кэмерона был странный акцент — смесь протяжного франко-креольского и британского. Первый он приобрел во французском квартале, где родился и вырос, а второй — в Кембридже, где получил образование. Что касается Дианы, то ее сильный, густой, как мед, южный акцент был неистребим, несмотря на то что она уже давно жила в Сан-Франциско.

Диана перегнулась через стол и дотронулась до серьги с гранатом, висевшей в ухе Вулфа.

— Эта серьга как-то связана с теми поисками, которые ты ведешь? — спросила она.

— Вряд ли, — ответил Вулф, не скрывая раздражения.

— Есть три вида воспоминаний, Вулф, — произнес Кэмерон, понимая, что приятель не расположен ничего объяснять, — хорошие, плохие и удобные. Поскольку мы твои друзья, нам не нужны удобные воспоминания.

— Вам просто скучно, и вы лезете мне в душу. — Вулф ревниво охранял свою личную жизнь и не любил распространяться о ней. — Я не желаю, чтобы друзья совали нос в мои дела.

Кэмерон бросил на него раздосадованный взгляд.

— О господи, Вулф! Ты не можешь упрекнуть нас в том, что мы суем нос в твои дела! Мы даже не знаем твоего настоящего имени. После всего, что ты сделал для моего кузена и его жены, мы прониклись доверием и любовью к тебе. И нам хочется, чтобы ты проявлял к нам те же чувства. Завтра ты уедешь, и неизвестно, свидимся ли мы когда-нибудь снова.

Слова Кэмерона пронзили сердце Вулфа, как острая стрела грудь дикого голубя.

— Вы оба прекрасно знаете, что эта серьга принадлежала моей матери, которую убили много лет назад. Что еще, черт побери, вы хотите знать?

— Мы хотим, чтобы ты облегчил душу, — промолвила Диана и, прикрыв нижнюю часть лица шелковым веером, уставилась на Вулфа зелеными кошачьими глазами. После паузы она вздохнула и опустила веер. — Когда вернешься в Миссури, выясни наконец, кто убил твою мать, или сними серьгу и зарой в ее могиле. — Она положила ладонь на руку Вулфа. — Нельзя вечно бродить по миру без всякой цели. Мы — узники своего долга, который несем по жизни, как тяжкое бремя.

Вулф почувствовал, что у него сводит скулы от злости.

— И не пытайся скрывать свои чувства, пряча их за завесой напускной злости, — добавила Диана.

— Я ничего не скрываю, — буркнул Вулф.

Он никогда прежде не рассказывал подробно о своей матери и даже не знал, способен ли выдавить из себя хоть слово о ней. Откинувшись на спинку стула, Вулф стал рассеянно водить пальцем по кромке бокала.

— Убийство произошло не в Миссури, — наконец с трудом произнес он.

Его голос дрогнул, и Вулф смущенно кашлянул. Диана ахнула, а Кэмерон нахмурился.

— Тогда где это случилось? — спросил он.

«К черту воду!» — решил Вулф и налил себе шерри.

— В Бостоне... — ответил он и залпом осушил бокал. — Это произошло в Бостоне.

Диана и Кэмерон переглянулись.

— В Бостоне? — переспросила Диана. — Так, значит, ты не уроженец Миссури?

— Разве я когда-нибудь утверждал это?

Кэмерон подался вперед.

— Ты никогда не рассказывал нам о себе. Откуда же нам знать, где ты родился? — сказал он. — Ты всегда говорил о Сент-Джозефе как о родном городе. Мой кузен именно там познакомился с тобой. А теперь слушай меня внимательно: одно из моих судов отправляется в Бостон через два дня. Ты можешь сесть на него. Это клипер, самое быстроходное парусное судно в мире. Ты окажешься в Бостоне в мгновение ока.

«О боже, только не морское путешествие!» — взмолился про себя Вулф.

— Я могу добраться до Сент-Джозефа верхом, а потом сесть на поезд, который направляется на восток.

— Ага! — воскликнул Кэмерон, взмахнув вилкой. — Однажды я уже видел это

выражение на твоём лице! Да ты, братец, просто боишься дальних плаваний! — И он вонзил вилку в десерт. — Но ты должен плыть.

Вулф снова потянулся за графином с шерри.

— Самодовольный осел, — бросил он в сторону Кэмерона.

Однако ему было совершенно ясно, что друзья правы: пришло время заплатить по старым долгам. В его душе зрела решимость разобраться наконец со своим прошлым. Навалившись всем весом на спинку стула, Вулф стал раскачиваться.

— Значит, ты говоришь, что одна из твоих лодок выходит в море через два дня?

Кэмерон приподнял бровь.

— Судно! Повтори за мной: суд-но. Не вздумай произнести слово «лодка» на клипере, если не хочешь, чтобы тебя выбросили за борт.

Диана что-то достала из потайного кармана платья и протянула это Вулфу в сжатом кулачке.

— Я надеялась, что ты согласишься с нами. Вот, возьми.

И она положила на его ладонь маленькое золотое колечко на короткой цепочке.

— Что это?

— Это одна из серег, которые я носила в детстве. Я продела в нее цепочку, чтобы тебе было удобнее вдеть ее в ухо. Хоть со дня убийства твоей матери прошло больше двадцати лет, убийца может узнать тебя по серьге с гранатом. Поэтому я подумала, что тебе нужно заменить ее.

Диана попыталась прикоснуться к его уху, но Вулф мотнул головой, сопротивляясь.

Кэмерон взглянул на подарок Дианы.

— Может быть, не стоит ничего менять? — с сомнением промолвил он.

— Хорошо, я подумаю над этим, — сказал Вулф.

— Ладно, — вздохнула Диана, — надеюсь, ты прислушаешься к моему совету.

Кэмерон усмехнулся.

— Эта вещица слишком мала для уха такого парня, как Вулф.

Диана замахала на него веером.

— Кэмерон всегда несет всякую чушь, когда выпьет лишнего.

Кэмерон вдруг замер с вилок в руке, уставившись на дверь.

— Вы только посмотрите, какая красавица вошла в зал! — с восхищением произнес он.

Диана повернула голову к двери.

— Это Алана Малоун со своими родителями, — сказала она. — Они остановились в нашем отеле, поэтому, умоляю, ведите себя прилично.

Медленно обернувшись, Вулф взглянул на семейство, о котором шла речь. Метрдотель проводил мистера Малоуна, высокого, полного мужчину, и его раздавленную в талии жену к свободному столику. Красавица-дочь с высоко поднятой головой плавной походкой шла между ними. Они миновали столик, за которым сидел Вулф с друзьями.

— Милое платьице, наверняка из Парижа, — пробормотала Диана.

Кэмерон фыркнул.

— Вулф не смотрит на платье, Диана. Я сомневаюсь, что он мог бы назвать его цвет даже под угрозой расстрела.

На Алане было белое платье, украшенное большими синими цветами, расшитыми бисером. Но не модный наряд привлек к ней всеобщее внимание. От черноволосой красавицы невозможно было отвести взгляд. Она была выше и много стройней матери. В ней

ощущалось неуловимое очарование, от которого Вулфа бросило в жар.

Когда она проходила мимо столика Вулфа, он уловил слабый аромат корицы и роз. Девушка повернула голову в его сторону и бросила на Вулфа дерзкий взгляд. В ее синих глазах пылал огонь. Холодная надменность причудливым образом сочеталась в ней с пылким темпераментом. Губы Аланы разомкнулись так, как будто ей стало нечем дышать, и Вулф почувствовал тяжесть в паху.

Кэмерон подался вперед и шепнул другу:

— Эта девица бросила на тебя довольно наглый взгляд, старина.

Вулф пожал плечами.

— У нее поразительные глаза.

Диана выгнула бровь.

— Ты, наверное, давно не смотрел на себя в зеркало. У тебя точно такие же.

Кэмерон хмыкнул.

— Да он просто нарывается на комплимент, Диана! Что скажешь, приятель?

— Хватит умничать. Вы ведете себя как проповедник в борделе! — Вулф осушил бокал и, поставив его с глухим стуком на стол, снова откинулся на спинку стула. — Вовсе не цвет делает глаза поразительными, а то, что скрывается глубоко в душе. Может быть, поэтому твои глаза, приятель, такие тусклые.

Диана засмеялась и снова наполнила бокал Вулфа.

— Я с этим не согласен, — запротестовал Кэмерон. — У меня очень красивые глаза цвета светлого янтаря, месье. Это большая редкость. А вот твои действительно такие же, как у мисс Малоун.

Вулф фыркнул.

— Цвета янтаря? Ты льстишь себе, твои глаза цвета дерьма! — Вулф метнул взгляд на Диану. — Прости, пожалуйста, за грубость. Этот парень заставил меня забыть о хороших манерах.

Кэмерон хотел что-то сказать, но Диана остановила его.

— Вулф, послушай меня, — произнесла она серьезным тоном, — у тебя необычные глаза, радужка у них синяя с черной каймой, за счет этого она особенно выделяется на фоне белка. Точно такие же глаза у мисс Малоун. Я это точно знаю, потому что видела ее вблизи. Кстати, она сегодня беззастенчиво разглядывала тебя.

Вулф боролся с сильным желанием посмотреть туда, где сидело семейство Малоун. Алана заинтриговала его.

Кэмерон бросил взгляд на тарелку друга с нетронутым десертом.

— Ты собираешься это есть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, придвинул тарелку к себе. — Забудь о ней, старина, ты не сможешь подойти к ней ближе, чем на десять футов. Ты видел, как вели ее по залу родители, словно два жандарма?

— Кто сказал, что эта девушка заинтересовала меня? — буркнул Вулф.

Кэмерон ухмыльнулся.

— Об этом свидетельствовало восхищенное выражение твоего лица. У тебя чуть глаза не вылезли из орбит, когда ты ее увидел. Я уже думал, что придется вызывать врача, чтобы он вправил их на место.

Раздался бархатный смех Дианы.

Вулф перестал бороться с собой и взглянул на мисс Малоун. Ее синие глаза, устремленные на него, сверкали, словно молния. Однако лицо при этом оставалось

невозмутимым. Застигнутый врасплох Вулф поднял бокал с шерри и, поднеся его к губам, стал неотрывно смотреть на Алану поверх него. Мисс Малоун первой отвела взгляд.

— Ты не сможешь подойти и заговорить с ней, — продолжал приставать к нему Кэмерон. — Хочешь, заключим пари?

— Нет, — отрезал Вулф.

— Понятно. Ты знаешь, что все равно проиграл бы. — Кэмерон повернулся к Диане. — Готов поспорить, что на золотой цепочке, которая свисает из жилетного кармана отца Аланы, нет часов. Вместо них в кармане у строгого папаши хранится ключ от пояса целомудрия. А теперь отгадай, кто носит этот пояс.

— Нет, Кэмерон, — возразила Диана, похлопав приятеля сложенным веером по плечу, — если кто-то и носит с собой ключ от пояса целомудрия Аланы, то это ее мать.

Вулф, покачав головой, не стал вступать в этот разговор.

Кэмерон тем временем с напускной серьезностью свел брови на переносице.

— Как так?

— Очень просто, — продолжала Диана. — Женщины более проницательны, они сразу чувствуют опасность. Мать наверняка заприметила, как ее драгоценная дочь смотрит на Вулфа. Поверь мне, теперь она еще дальше спрячет ключ от пояса целомудрия Аланы.

Вулф закатил глаза к потолку.

— О господи! Вы оба — сумасшедшие! — не выдержал он. — Придумать такое на пустом месте может только безумец. Я впервые вижу этих людей, и мне ваши фантазии кажутся, мягко говоря, странными.

— Ты, возможно, действительно видишь их впервые, но они тебя уже имели удовольствие лицезреть, — заявила Диана, обмахиваясь веером, в ее кошачьих глазах горели озорные огоньки. — Малоуны были здесь, когда ты два дня назад, вернувшись из экспедиции, забрел в ресторан.

— Вряд ли мисс Малоун признала в Вулфе того самого человека, которого видела два дня назад, — промолвил Кэмерон, отложив вилку. — Ты только посмотри на него! Он выглядит совсем по-другому, за прошедшие дни Вулф стал похож на человека!

Диана, склонив голову набок, с лукавой улыбкой окинула Вулфа оценивающим взглядом.

— Думаю, женщины находят тебя чрезвычайно привлекательным. Кстати, мисс Малоун не сводит с тебя глаз. Я уверена, что она признала в тебе мужчину, которого видела два дня назад.

— Ты постоянно подкалываешь меня, Диана. Зачем?

— Дорогой мой, ты меняешь женщин как перчатки и соблазняешь, не удосуживаясь порой узнать их имя. Ты не потрудился дать кличку даже своей лошади, единственному живому существу, с которым не расстаешься месяцами. Клянусь, если я снова услышу, что ты называешь свою лошадь «мой чалый», то застрелю ее.

— Так все же зачем ты подкалываешь меня? — повторил вопрос Вулф.

— Я пытаюсь заставить тебя задуматься о вещах, на которые ты раньше не обращал никакого внимания. Я чувствую, что в твоей жизни происходят важные изменения. Ты на пороге новых открытий, Вулф. И я искренне надеюсь, что эти изменения наведут тебя на мысль, что нужно хоть кого-то полюбить.

— Почему ты считаешь, что это будет для меня благом?

— Потому что, мой дорогой, нам всем нужна любовь. Она держит нас на плаву в этом мире, исцеляет душевные раны, а твоя душа сейчас нуждается в исцелении.

Вулф машинально снова взглянул на черноволосую красавицу. Алана подняла глаза, и их взгляды встретились. Тело Вулфа тут же отозвалось на ее томный взор.

Глядя на молодого мужчину с обветренным лицом, сидевшего неподвижно на стуле и дерзко, в упор смотревшего на нее, Алана чувствовала, как по ее спине бегут мурашки. В его поразительных синих глазах пылала страсть. На мгновение Алана почувствовала неразрывную связь с ним. Уголки ее рта дрогнули в полуулыбке, и она опустила взгляд в тарелку. Алану не смущало то, что мать заметила молчаливое общение дочери с незнакомцем.

С незнакомцем? Нет, она знала этого человека. Он был известен в этих краях под именем Вулф, и о нем ходили легенды. Никто не знал ни его настоящего имени, ни биографии. Вулф скитался по Западу, занимаясь поисками пропавших людей за вознаграждение. Алана видела его два дня назад, когда он только вернулся из очередной экспедиции. На нем были пыльные замшевые штаны с кожаным ремнем, на боку висела кобура с пистолетом. Длинные растрепанные волосы касались ворота замшевой рубахи с бахромой, выражение лица скрывалось за окладистой бородой. В мускулистом теле не было ни унции жира.

И теперь в человеке, который сидел за соседним столиком, было трудно узнать того бродягу. Чисто выбритый, одетый в строгий, хорошо сшитый костюм, который вполне можно было носить и в Лондоне, и в Париже. Выгоревшие на солнце волосы были зачесаны назад и перевязаны на затылке черной лентой. Они отливали золотом в свете горевших газовых люстр. Точеные черты лица напоминали образы античных героев.

Алана видела этого человека не впервые. Несколько месяцев назад она заметила его в отеле «Морган», куда он прибыл с женщиной и маленьким розовощеким ребенком после нескольких недель скитаний. Этот мужчина сразу же пленил сердце Аланы. Она влюбилась в него с первого взгляда. Возможно, все дело было в романтической ситуации: Алана слышала, что Вулф спас молодую женщину, которую захватили индейцы. Она родила сына в ужасных обстоятельствах — окруженная волками. Эта история имела счастливый конец: спасенная Вулфом женщина вышла замуж за отца ребенка, богатого совладельца судоходной компании, услугами которой пользовался отец Аланы для перевозки товаров.

— Хватит пялиться на этого парня, — зашипела мать Аланы. — Ты не забыла, что скоро выходишь замуж?

— Я скорее вскрою себе вены, чем выйду замуж за Джонатана!

Миссис Малоун поджала губы.

— Не начинай, Алана, или я попрошу твоего отца воздействовать на тебя.

Алана натянуто улыбнулась.

— Мой отец сидит здесь, рядом с нами, и полностью игнорирует нас. — Она похлопала мистера Малоуна по пухлой руке. — Я правду говорю, папа?

Он оторвал взгляд от газеты, лежавшей на столе.

— А? О, да, да, правильно, — пробормотал мистер Малоун и снова углубился в чтение.

Алана широко улыбнулась, на этот раз искренне.

— Вот видишь, мама? Он ничего не замечает вокруг.

Она взглянула в сторону соседнего столика и увидела, что Вулф встал, бросил салфетку на стол и направился к выходу. Он двигался с неподражаемой грацией.

Алану охватило чувство, которое никак нельзя было назвать добродетельным. Оно жгло

ее изнутри. Ну, почему такой мужчина, как Вулф, жил в этих краях, а не по соседству с ней? И как будто прочитав ее мысли, Вулф вдруг остановился в дверях, резко повернулся и обжег Алану взглядом своих пронзительных синих глаз.

Миссис Малоун ахнула.

— Сделай вид, что не замечаешь этого ужасного человека! — приказала она дочери.

Однако Алана пропустила слова матери мимо ушей.

— Мистер Малоун, — раздраженно обратилась та к мужу, перейдя вдруг на «вы», — будьте любезны, оторвитесь от своей дрянной газетенки и скажите дочери, что неприлично пялиться на незнакомцев!

Однако когда отец семейства наконец поднял глаза, Вулфа уже не было в зале.

— Это не имеет никакого значения. Через два дня мы все равно уезжаем, — сказал он и повернулся к дочери. — Я все слышал, Алана Мэри Малоун. — Отец говорил с ирландским акцентом, который становился сильнее, когда он сердился. — Свадьбе быть — и точка! Я не потерплю, чтобы ты лишила нас шанса выбиться в люди и стать членами высшего общества.

— Меня не интересуют ни деньги, ни положение в обществе.

— Следи за своим языком. Ты хорошо знаешь, что я имею в виду, поэтому не притворяйся.

Лицо Аланы стало непроницаемым, но пальцы под столом мяли салфетку с таким остервенением, как будто сжимали шею ненавистного жениха.

— Мне еще предстоит идти к алтарю с человеком, которому ты продал мою душу, поэтому тебе следовало бы побережь меня, — бросила она отцу.

Судно накренилось, и Вулф, стараясь удержать равновесие, уперся руками в стену по обе стороны от иллюминатора каюты. Он смотрел на Сан-Франциско, очертания которого казались серыми мазками на фоне яркого синего неба и спокойного моря. Вулф старался не думать о том, что скрывалось в водных глубинах. Однако все равно его мучили приступы тошноты.

— Утонуть в море — ужасная смерть. Что может быть хуже? — пробормотал он.

Томпсон, капитан клипера, хмыкнул:

— Никто не тянул вас силком на борт судна, мой друг. Вы могли бы добраться до Бостона верхом. — Томпсон шумно отхлебнул чай из кружки. — Конечно, для этого вам пришлось бы загнать свою лошадь.

У Вулфа скрутило желудок. Он позеленел, однако Томпсон, казалось, ничего не замечал. Он сделал еще один шумный глоток.

— Не сводите глаз с горизонта, это помогает справиться с морской болезнью. — Опустошив залпом кружку, капитан с глухим стуком поставил ее на стол и погладил седеющую бороду. — И старайтесь думать о чем-нибудь приятном. Это поможет вам отвлечься от противных ощущений в желудке.

Вулф фыркнул:

— Думать о чем-нибудь приятном? Черт, самое приятное для меня было бы сейчас оказаться на суше.

Томпсон усмехнулся.

Вулф прерывисто дышал. Ему надо было сосредоточиться хоть на чем-нибудь. Внезапно в его памяти всплыл образ девушки, которая два дня назад прошла мимо его столика в ресторане. Вулфу даже показалось, что он почувствовал исходивший от нее аромат корицы и роз. Волна желания захлестнула его. Алана Малоун... Это имя звучало, как дивная музыка.

Палуба накренилась, и новый приступ тошноты вернул Вулфа к действительности. Он глубоко вздохнул.

— Ну, что ж, начнем, пожалуй, — произнес он, стараясь пересилить недуг. — Я не желаю все плаванье держаться за стенку.

Томпсон оторвал взгляд от чайных листьев, лежавших на дне кружки, и устремил его на Вулфа.

— Что вы собираетесь начать?

Вулф молча отошел от иллюминатора и, стараясь шагать твердой походкой, направился к стоявшему возле его койки сундуку. Подняв крышку, он увидел лежавший сверху замшевый костюм для верховой езды. О чем он думал, упаковывая вещи в дорогу? Вулф вывалил содержимое сундука на койку, а затем бросил на дно замшевые штаны и рубаху с бахромой — одежду, которую он носил в экспедициях. Что бы ни уготовила ему в будущем судьба, Вулф не собирался возвращаться на Запад и снова заниматься поиском пропавших людей.

Поверх потертого замшевого костюма он положил новую, модную, сшитую на заказ одежду, предварительно аккуратно сложив ее. Томпсон внимательно наблюдал за его действиями, и это раздражало Вулфа. Хотя капитан торгового судна был любезен к нему и предоставил койку в своей каюте, Вулф предпочел бы жить один.

Уложив одежду, Вулф взялся за небольшую матерчатую сумку, которая тоже лежала в

сундуке, и вытряхнул ее содержимое на койку: маленькие шелковые пакетики с имбирным чаем, россыпь мелких серых камешков и несколько узких полосок ткани.

Томпсон взял один из пакетиков, понюхал его и хмыкнул.

— Зачем это вам?

— Говорят, помогает от морской болезни.

Вулф закатал рукава рубашки и с помощью полосок ткани привязал к тыльной стороне запястий камешки.

— Это камень гематит, его еще называют кровавиком. Я купил камешки у одного китайчонка в Сан-Франциско. Если они помогут, то мне не придется все плаванье провести над ведром.

Томпсон усмехнулся и направился к двери.

— Это никчемное дерьмо, мой друг. Вас обманули. Лучше молитесь, чтобы нам благоприятствовала погода.

Через два дня ветер поменял направление. Вскоре небо затянуло черными тучами, море стало вздыматься. Судно так сильно кренилось, что у Вулфа кровь стыла в жилах.

Капитан стоял на верхней палубе, широко расставив ноги, и громовым голосом отдавал приказы матросам. Они сновали по палубе и лазали по мачтам, обвязавшись вокруг талии закрепленными к клиперу веревками, чтобы бешеные волны, которые с грохотом обрушивались на судно, не смыли их за борт.

Томпсон велел Вулфу привязать себя к койке, поскольку волны могли выбить дверь каюты и смыть пассажира за борт. «Да, — подумал Вулф, — не зря я всегда ненавидел мореплаванье».

Шторм бушевал трое суток. Странно, но Вулф почти не страдал от морской болезни. Нельзя сказать, что он совершенно выздоровел, но ум у него был ясным. Возможно, средства от морской болезни все же оказывали на Вулфа благотворное действие. Однако, несмотря на улучшение самочувствия, на душе было тревожно.

Вулфа терзала тоска, ожили смутные воспоминания о далеком детстве. После смерти матери его опекунами стала супружеская чета. Вулфу тогда было восемь лет. Однажды опекуны без объяснения причин привезли его в нью-йоркскую гавань и молча передали какому-то незнакомцу. Тот посадил мальчика в лодку и стал грести в сторону зловещего вида корабля. На полдороге Вулф оглянулся, но опекунов уже не было на пирсе.

Испуганный мальчик понял, что больше никогда не увидит их. Громада корабля тем временем надвигалась на него, приводя в еще больший ужас.

Они взошли на борт.

— Мы плывем в Ливерпуль, — пробормотал незнакомец, привязывая Вулфа к койке в каюте.

Это были единственные слова, которые он произнес за время плаванья. Вулфа мучила страшная тошнота, он думал, что погибнет. Выжить его заставила только надежда, что в порту Ливерпуля он увидит отца.

Но Вулф так и не встретился с ним. Когда грязный, изможденный мальчик сошел на берег в Ливерпуле, на пристани его ждал другой незнакомец. Он заставил Вулфа снять пропитанную рвотными массами одежду, которую мальчик ни разу не менял за время путешествия, и переодеться в свежую. А потом они поехали... Куда? Этого Вулф не мог вспомнить.

— Боже Всемогущий! — воскликнул Вулф, проведя рукой по волосам, и бросил взгляд

на шкафчик со спиртным.

В этот момент дверь распахнулась, и в каюту вбежал капитан. Схватив полотенце, он вытер бородатое лицо и голову.

— Среди моих ребят есть больные. Если вы уверены, что ваши средства лечат от морской болезни, помогите мне.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Вулф и попытался встать с койки.

Томпсон покачал головой.

— Не надо, не выходите из каюты. Я боюсь, что вас смочет за борт.

Тем не менее, Вулф развязал веревки, встал и взял свою матерчатую сумку.

— Сколько у вас больных?

— Четверо.

Широко расставив ноги, чтобы удерживать равновесие при сильной качке, Вулф покопался в сумке и достал восемь гладких серых камешков, а потом показал Томпсону, как нужно привязывать их к запястьям. После этого он завернул несколько пачек имбирного чая в тряпочку и положил сверток в карман дождевика капитана.

— Если чай намокнет, от него не будет никакой пользы.

Томпсон повернулся и, не говоря ни слова, быстро вышел из каюты.

Вулф плюхнулся на койку и заложил руки за голову.

— Вы поцелуете меня в задницу, если это никчемное дерьмо, как вы выражаетесь, поможет вам поставить матросов на ноги, — пробормотал он.

На четвертый день буря стихла. На Вулфа напала скука. Он больше не задумывался о том, какая бездна скрывается под днищем судна, его не мучила морская болезнь. В конце концов Вулф решил прогуляться по палубе. Но в это время в каюту вошел капитан, чтобы попросить еще немного имбирного чая.

— Но вы же знаете, у меня ограниченное количество этого снадобья, — сказал Вулф. — И нам больше негде его взять. Что мы будем делать, если имбирный чай кончится?

Однако Томпсон проигнорировал его слова.

— Дайте мне пять пакетиков. Матросы уже в сносном состоянии. Но одна из женщин все еще плохо себя чувствует.

— Женщин? — изумился Вулф. — На кой черт вы набрали в экипаж женщин?

Томпсон с недоумением посмотрел на него.

— При чем тут экипаж? Что за странные идеи!

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, о мудрый капитан, но мне казалось, что это торговое судно и что я на его борту единственный пассажир, которого вы взяли по настоятельной просьбе одного из совладельцев судоходной компании, а именно мистера Андруза, моего друга. Если бы я знал, что на судне есть свободные каюты, разве я стал бы довольствоваться койкой в вашей? Сколько на борту пассажиров?

— Четверо, семья из трех человек и камеристка. — Голос Томпсона звучал устало. — Груз, который везет мое судно, принадлежит главе семейства. Это очень дорогие товары. Глава семейства с дочерью уже плавали на моем судне. Девушка прекрасно чувствует себя в открытом море, а вот пожилой господин обычно страдает от морской болезни первые несколько дней. — Томпсон покачал головой. — Но в этот раз из-за шторма слегли все четверо — сначала глава семейства, а потом и его спутницы. Меня беспокоит то, что им не становится лучше. — Капитан направился к двери, но на пороге остановился и снова взглянул на Вулфа. — Советую вам пока не выходить на палубу. Старина Нептун все еще не

утомился и судно сильно качает.

— О боже, я здесь рехнусь! — воскликнул Вулф.

Томпсон похлопал по застекленной дверце висевшего у двери шкафчика с книгами в кожаных переплетах.

— Вы можете воспользоваться моей библиотечкой, чтобы скоротать время. — Что-то вдруг вспомнив, капитан усмехнулся. — Кстати, отец семейства считает вас своим спасителем. Он хочет познакомиться с вами. Поэтому я пригласил пассажиров отобедать со мной и вами, моим гостем, как только погода улучшится.

— О господи! Неужели я наконец увижу живых людей? Буду с нетерпением ждать этой встречи!

Томпсон не смог скрыть усмешку.

— На вашем месте я воспользовался бы случаем и поработал пока над своими манерами. Да и ваш английский следовало бы улучшить, убрав из него грубые слова и выражения. Отнеситесь серьезно к моему совету, поскольку вам предстоит общаться с благовоспитанными людьми.

— Поцелуйте меня в...

— Ну, вот опять!

Капитан покачал головой и исчез за дверью.

На пятый день путешествия, когда шторм утих, Вулф вынул из уха серьгу с гранатом, которая когда-то принадлежала его матери. Эту серьгу вдел ему старый цыган в семнадцатый день рождения Вулфа. С годами он так привык к ней, что не обращал внимания на косые взгляды. Но когда Вулф, положив серьгу на ладонь, стал разглядывать ограненный кроваво-красный камень, в его памяти ожили страшные воспоминания. С той поры как неизвестный преступник задушил его мать, прошло двадцать четыре года.

Сердце Вулфа сжалось от боли.

Повесив серьгу на цепочку, он надел ее на шею и спрятал под рубашкой. Теперь Вулф на своем опыте убедился, что время не лечит боль и не властно над некоторыми воспоминаниями, ранящими душу.

Взяв серьгу-кольцо, которую подарила ему Диана, Вулф вдел ее в ухо. У него было такое чувство, словно он предает память матери. Тем не менее Вулф понимал, что его друзья были правы: убийца, который снял с трупа своей жертвы вторую серьгу с гранатом, мог сейчас находиться в Бостоне. Вулфу следовало быть осторожным.

Он слышал, как капитан вошел в каюту и стал отдавать распоряжения коку и его помощникам. Ароматы вкусной еды, доносившиеся до Вулфа, пробуждали аппетит. У него заурчало в желудке. Он поправил галстук перед зеркалом, застегнул жилет из золотистой парчи и надел сюртук. Пригладив рукой волосы, Вулф еще раз оценивающим взглядом окинул свое отражение в зеркале и вышел из-за перегородки, отделявшей ванную от каюты.

— Это картофель фри? Такой, по-моему, готовят в Саратогге, — произнес он, оглядывая уставленный яствами стол. — Вот это пир!

Он положил оливку в рот и взглянул на собаку Томпсона, которая лежала под столом, свернувшись клубком. Бросив ей тонкий обжаренный ломтик, Вулф набрал себе целую горсть картофеля и стал не спеша есть.

— Еще теплый! Я не знал, что вы взяли с собой на борт свежие корнеплоды.

— Морковь и картофель прекрасно хранятся, — заметил капитан. — У меня большие

запасы этих овощей, они еще успеют вам надоесть.

Вулф задумчиво взглянул на собаку Томпсона.

— Я заметил кое-что странное. Судя по гениталиям, ваша собака кобель, — промолвил он и, нагнувшись, стал разглядывать пса.

— Ну и что должно следовать из вашего блестящего наблюдения?

— Но ее зовут Джулия!

Томпсон отпер дверь шкафчика, где хранилось спиртное.

— Моей дочери, которая назвала ее так, было в тот момент всего три года. Если вы не скажете псу, что ему не подходит кличка, то он об этом и не узнает. Будете пить виски или что-нибудь более изысканное?

Вулф усмехнулся и бросил еще один ломтик картофеля под стол.

— Виски, — ответил он и, выпрямившись, взглянул на капитана.

Томпсон был одного роста с Вулфом и таким же широкоплечим и стройным. Вулфу нравился этот человек. Капитан обладал добродушным нравом и прекрасным чувством юмора. Он был родом из Бостона и мог оказаться полезным Вулфу.

— А что за женщины будут сегодня с нами?

— Вряд ли они вас заинтересуют, — ответил Томпсон, открывая графин с виски.

Вулфа не удовлетворил этот ответ.

— Я считал вас умным человеком, но вы неправильно судите обо мне и о том, что может заинтересовать меня. К вашему сведению, я недавно обнаружил еще одну причину своей нелюбви к морским путешествиям.

Томпсон протянул Вулфу бокал виски.

— И что же это за причина?

— Простая и понятная. Я обожаю общество женщин, но они редко присутствуют на борту корабля. Дамы не раздражают меня в отличие от мужчин.

— Дамы всех возрастов? Я думал, вы интересуетесь только молоденькими легкомысленными трактирщицами. Общение с ними обычно не бывает слишком обременительным.

— К ним я тоже питаю слабость, но симпатию у меня вызывают и другие женщины. Во время морского путешествия я предпочел бы компанию пожилой дамы, а не молоденькой леди.

— Это еще почему?

Вулф пожал плечами.

— С пожилой женщиной можно вести долгие обстоятельные беседы, в то время как молодая девушка способна взорваться в любую минуту, как пороховая бочка, если что-нибудь будет не по ней. — Он с ухмылкой поднял свой бокал, глядя на семейный портрет Томпсонов, на котором были изображены сам капитан, его супруга, их дочери и седовласая мать. — Вы, я вижу, окружены женщинами. С возрастом они в отличие от мужчин становятся мягче.

Томпсон сделал глоток виски и с довольным видом улыбнулся.

— Мягче? Пожалуй, соглашусь, это очевидно. А что еще, по-вашему, отличает их от мужчин?

— Женщины хранят свой опыт в сердце и никогда не забывают прошлое. А мужчины? В них превалирует разум, они стараются осмыслить свой опыт и не могут вспомнить события, которые привели к нему. Эта особенность превращает мужчин в старости в сварливых

пердунов.

Томпсон покачал головой, пряча ухмылку.

— Да вы, как я погляжу, философ...

В дверь каюты постучали.

— Наши гости, — объявил Томпсон.

Помощник кока, совсем еще мальчик, поспешил к двери. Она распахнулась, и в каюту вошла Алана Малоун.

У Вулфа перехватило дыхание. Они оба замерли на мгновение, с выражением крайнего изумления глядя друг на друга. Первой от шока оправилась Алана. Как ни в чем не бывало, она плавным движением подала руку матери и помогла ей переступить высокий порог.

Вулф едва сдержал довольную ухмылку. События развивались самым неожиданным образом, жизнь сулила ему много интересного в обозримом будущем.

Растерянность Аланы длилась всего лишь несколько мгновений. Она быстро взяла себя в руки. Ей всегда внушали, что она должна скрывать от врагов свои истинные эмоции за маской сдержанной холодности.

От врагов? Но Вулф не принадлежал к их числу, однако мог стать важным в ее жизни человеком.

Миссис Малоун, пыхтя и сопя, протиснулась в узкую дверь каюты. За ней вошел ее муж. У Аланы было немного времени, чтобы лучше рассмотреть Вулфа, который с недавних пор занимал все ее мысли. От внимания Аланы не укрылось, что ее появление явилось для него шоком. Но он быстро пришел в себя и поклонился ей с небрежной грацией. При этом его лицо оставалось непроницаемым. Тем не менее, Алана поняла, что Вулф узнал ее.

Борясь с волнением, Алана исподволь разглядывала Вулфа. Вблизи он показался ей еще красивее. У него были поразительные глаза — завораживающие, синие, окаймленные густыми золотистыми ресницами. Он был похож на падшего ангела.

В нем ощущалось что-то хищное, первобытное. У Аланы невольно дрогнул уголок рта, как будто она хотела усмехнуться. Вулф, который следил за выражением ее лица, приподнял брови, и в его глазах заплясали озорные искорки.

Алане это понравилось. Она сделала вывод, что этот мужчина обладал чувством юмора.

Увидев Вулфа, миссис Малоун остановилась как вкопанная и уставилась на него, разинув рот. Он повернулся к ней и отвесил поклон.

Пожилая дама тут же поджала губы. Она переводила недовольный взгляд с капитана на Вулфа и обратно, пытаясь сохранить самообладание. Ее лицо приобрело холодное выражение.

На лице Вулфа появилось нечто, напоминающее улыбку, и он сделал вид, что видит эту даму впервые. Алана прикусила губу, едва сдерживая ухмылку. Она была похожа на горняка, который пытался скрыть, что напал на золотоносную жилу. По мнению Аланы, ее воинственная мать, не дававшая ей покоя всю поездку, заслужила такое отношение к себе.

Мистер Малоун нечаянно толкнул жену, пробормотал что-то неразборчивое и, обойдя ее, протянул капитану пухлую руку.

— Капитан Томпсон, как я рад, что вы нас пригласили!

Они обменялись рукопожатием. Не дожидаясь, пока капитан ответит ему, мистер Малоун подошел к Вулфу и, сжав его руку, энергично потряс ее. При этом другой он похлопывал Вулфа по плечу.

— Рад познакомиться с вами, мистер Вулф.

Тень пробежала по лицу Вулфа, но он промолчал. Алана насторожилась. Ей говорили, что Вулф — это имя, а не фамилия легендарного следопыта. Так почему же он не поправил отца?

Вообще-то, если верить молве, Вулф обладал диким нравом и мог быть опасен для тех, кто переходил ему дорогу. Родителям Аланы следовало держать с ним ухо остро и не вести себя высокомерно.

Мистер Малоун был одного роста с Вулфом, но много шире его в талии. В Вулфе ощущалась мощная энергия, источником которой была необузданная физическая сила.

Миссис Малоун всячески старалась воспрепятствовать сближению дочери и следопыта.

Когда молодых людей представляли друг другу, она перегородила дорогу Вулфу так, чтобы он не мог прикоснуться к руке Аланы.

Хитрый маневр матери не укрылся от внимания Вулфа, и в его глазах загорелись озорные огоньки. Он подошел к столу и небрежно выдвинул стул рядом с капитаном. На этом месте должен был сидеть почетный гость — мистер Малоун. Заметив это, Алана едва сдержала смех. Капитан Томпсон опустил голову, чтобы скрыть усмешку. Отец Аланы был вынужден сесть на противоположном конце стола. Теперь миссис Малоун стояла перед дилеммой — ей нужно было посадить дочь или напротив Вулфа, или рядом с ним. Она выбрала, конечно, более безопасный вариант и посадила Алану напротив нового знакомого.

Вся эта суета вокруг стола забавляла Вулфа. «Игра началась!» — подумал он.

Когда все уселись, Вулф обратился к мистеру Малоуну:

— Я слышал, что кроме вас заболела еще и ваша служанка?

Малоун усмехнулся.

— Совершенно верно, мистер Вулф, — ответил он, накладывая себе картофельное пюре. — Совершенно верно!

Манеры Вулфа были безупречны, он старался вести себя учтиво, но его необузданный нрав рвался наружу. Вулф едва сдерживал себя. В его голове роилось множество вопросов. Малоуны были из Бостона, следовательно, могли знать родителей Вулфа. Однако ему не следовало сейчас расспрашивать их.

Кэмерон предупреждал друга, чтобы он не раскрывал себя раньше времени. Вулф вспомнил его наставления: «Элита молодой страны состоит из довольно небольшой группы семейств. Трудно угадать, кто кому является родственником. В Америке нет родовой знати, богатство определяет статус человека. И есть те, кто всеми правдами и неправдами старается выбиться в люди, занять высокое положение в обществе. Прими это к сведению».

Впрочем, Вулф и без советов Кэмерона намеревался сохранять инкогнито до тех пор, пока не найдет убийцу матери.

Малоун вытянул руку и показал, что к его запястью до сих пор привязаны камешки.

— На всякий случай я все еще ношу гематит, — промолвил он и широко улыбнулся. — Все еще ношу ваш камень!

Миссис Малоун поджала губы.

— Вы из Бостона, мистер Вулф? — спросила она как бы между прочим, но цепкий взгляд выдавал ее.

Вулф понял, что миссис Малоун неспроста задала этот вопрос. Он не сразу ответил на него.

— И да, и нет, — наконец произнес он, решив соврать этой неприятной леди. — Я родился в Бостоне, но, когда был еще совсем маленьким, родители переехали в Сент-Джозеф, штат Миссури.

Лицо миссис Малоун приобрело недовольное выражение. В ее взгляде сквозила неприязнь.

— Не понимаю, что может заставить людей переселиться из Бостона в Миссури? — проворчала она.

Мистер Малоун глубоко вздохнул. Вулф отложил вилку и посмотрел на миссис Малоун с выражением притворной печали.

— У меня не было возможности задать родителям этот вопрос, миссис Малоун. Они

бросили меня в возрасте шести лет, — сообщил он.

Пожилая дама открыла рот от изумления, ее щеки порозовели.

— О... хм... бедняжка. У вас остались родственники в Бостоне?

— Нет, я еду в Бостон по делам. Но я не утверждал, что мои родители умерли. Да и из того факта, что я сирота, не надо делать трагедии. Такое нередко случается.

Вулф сидел, устремив на собеседницу безмятежный взгляд, и отвечал ей спокойным ровным тоном. Выражение лица миссис Малоун изменилось, она поняла, что у нее сильный противник, применяющий запрещенные приемы. На ее щеке запульсировала голубая жилка. Она расправила плечи, принимая вызов.

— Как же вам тогда удалось так хорошо устроиться в жизни, мистер Вулф? — спросила она.

Вот это был выпад! Миссис Малоун, несомненно, мастерски владела искусством в вежливой форме унижать других.

Вулф хитро улыбнулся.

— Я всегда старался правильно вести себя, миссис Малоун. И вот результат! Я, конечно, не достиг таких высот, как ваш супруг, но кое-чего добился. Говорят, что каждый из нас в той или иной степени идет по стопам родителей. Дети фермеров становятся фермерами, юристов — юристами и так далее. А поскольку я не знал, чем занимался мой отец, меня тянуло к тому, что я делал лучше всего. — Произнося все это, Вулф не сводил глаз с пожилой дамы. — Я пытался найти своих родителей, однако мне это не удавалось. И судьба компенсировала мне эту неудачу: я успешно занимаюсь поисками пропавших людей и сокровищ. Клиенты довольны моей работой и платят за нее хорошее вознаграждение. Меня обычно нанимают господа высокого положения, такие, как ваш супруг. — Вулф сделал паузу, а потом произнес, смакуя каждое слово: — Или такие, как вы, дамы.

На лице миссис Малоун отразилось смущение.

— О, ради всего святого, зачем таким дамам, как я, подобные услуги?

— Почему бы и нет, миссис Малоун? Я могу оказаться полезен, если дама, например, захочет обнаружить то, что связано с тайной жизнью ее богатого муженька. Скажем, найти его любовницу, вторую семью, внебрачных детей и тому подобное.

Вздых вырвался из груди миссис Малоун. Вулф беспечно пожал плечами и повернулся к ее супругу:

— Ваш бизнес, наверное, связан с частыми разъездами? Вы надолго отлучаетесь из дома? — спросил он.

Алана засмеялась. Ее смех был похож на мягкое, гортанное мурлыканье. До этих пор она сидела, не издавая ни звука. Вулф даже стал сомневаться, умеет ли его визави говорить.

В разговор вмешался Томпсон, бросив сердитый взгляд на Вулфа, но тот изобразил удивление. Капитан сообщил, что Малоун богатый торговец. В сферу его деловых интересов входят текстильная промышленность, железные дороги, алмазные рудники в Африке и китайский импорт.

Вскоре разговор перешел на другие темы, и Вулф стал исподволь наблюдать за Аланой. Выражение ее лица оставалось, как всегда, непроницаемым. Она с невозмутимым видом дерзко разглядывала Вулфа. Он не знал, о чем миссис Малоун думала, но был готов выяснить это в ближайшее время.

Алана была очаровательна, Вулф не мог не отвести от нее глаз. Он наслаждался ее красотой до тех пор, пока у него не закипела кровь в жилах. Роскошные иссиня-черные кудри

Аланы были собраны на затылке и волной спускались на стройную шею. Глубокий вырез платья украшала шелковая роза, и когда грудь девушки вздымалась, нежные розовые лепестки касались ее кожи. Вулфу показалось, что под его взглядом дыхание Аланы участилось.

Он еще в ресторане отеля заметил, что, несмотря на плавные мягкие линии груди и бедер, Алана казалась не по-женски широкоплечей. Странно, но Вулф почему-то вдруг вспомнил артисток балета из труппы, гастролировавшей когда-то в Сент-Джозефе. У них были похожие фигуры. Алана сидела перед ним, как ожившая античная богиня.

Ее поразительные глаза гипнотизировали Вулфа. Когда их взгляды встретились, его охватил трепет. Время как будто остановилось. Вулф откинулся на спинку стула, вытянул ноги и стал представлять, чем они займутся, когда останутся наедине... Одна нога уперлась в собаку капитана, лежащую под столом, и Вулф стал тереться ступней о ее шерсть.

Через некоторое время он вдруг почувствовал, что поглаживает уже не собаку, а чью-то ногу в гладком шелковом чулке. Уголки губ Аланы подрагивали, и это свидетельствовало о том, что он не ошибся. Вулф замер. Судя по всему, Алана сбросила туфли и тоже поглаживала собаку Томпсона. Прикосновение ноги Вулфа несколько не смутило ее. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Алана с невинным видом смотрела на молодого человека и продолжала свое занятие. Время от времени ее ступня касалась ноги Вулфа. Это было очень чувственно. Вулфу хотелось схватить девушку, перетащить через стол и прижать к себе.

Вулф взял с тарелки кусочек картофеля фри и протянул его под столом Джулии.

— Этот пес — настоящий счастливчик, — усмехнувшись, заметил он.

— Вы что-то сказали, мистер Вулф? — промолвила миссис Малоун резким тоном, и у Вулфа возникло желание заставить ее заткнуться.

— Я заметил, что ваша дочь унаследовала от вас прекрасную кожу и роскошные волосы, а от отца — особенные глаза.

«И полные чувственные губы», — хотел добавить он, но вовремя остановился. Его обуревало желание впиться в эти губы и долго не отрываться от них.

Миссис Малоун заерзала на стуле.

— Особенности глаза? — спросила она.

— Да, темная кайма вокруг синей радужки делает их обворожительными.

Миссис Малоун усмехнулась.

— Поскольку глаза Аланы похожи на ваши, я прихожу к выводу, что вы напрашиваетесь на комплимент, мистер Вулф.

— Вовсе нет, мэм, — возразил Вулф. — Просто меня всегда интересовала передача наследственных черт из поколения в поколение. Это очень увлекательная тема!

Он непринужденно улыбнулся. Вулф добился того, чего хотел, применив тактику миссис Малоун против нее же самой. Мистер Малоун исподлобья взглянул на жену, как будто не был уверен, требует ли ситуация его вмешательства. Раздражение миссис Малоун сменилось смирением, и супруг вернулся к ужину.

Вулф решил, что пришло время задать несколько серьезных вопросов.

— Вы давно живете в Бостоне, миссис Малоун?

— Несколько лет, — ответил за нее муж. — Всего лишь несколько лет!

Этот ответ ничего не давал Вулфу, но он был вынужден им удовлетвориться. Через некоторое время в разговор снова вступила миссис Малоун, которая, казалось, теперь была настроена к Вулфу более лояльно.

— Знаете, мистер Вулф, несмотря на то что мы родом не из Бостона, мы занимаем в

обществе этого города высокое место. — Она улынулась Алане. — Особенно после того, как наша дочь была помолвлена с мистером Джонатаном Хеменуэем-третьим, старшим сыном мистера Джонатана Хеменуэя-второго.

— Ну надо же! — воскликнул Вулф, хотя упомянутое миссис Малоун имя ничего ему не говорило.

Однако, судя по всему, оно многое значило для хвастливой дамы, которая предъявила его, как картежник главный козырь за игральным столом.

Томпсон с упреком посмотрел на Вулфа. Очевидно, прозвучавшее имя было хорошо всем известно. Вулфу снова захотелось поозорничать. Он мог побить козырь пожилой дамы, признавшись в своем неведении, и таким образом снова подколоть ее. Почему бы и нет? Что мешает ему сказать правду?

— Хотя, боюсь, мне не знакомо имя Хеменуэй. Я впервые слышу его, — промолвил Вулф с невинным видом и сделал паузу. Однако, когда миссис Малоун открыла рот, чтобы что-то сказать, Вулф продолжал: — Впрочем, не тот ли это человек, который занимался нелегальным производством виски?

Миссис Малоун уронила вилку. Вернее, она в сердцах швырнула ее на стол.

Томпсон бросился спасать званый обед.

— Я приготовил вам сюрприз! — заявил он и встал из-за стола. — Вулф, помогите мне, пожалуйста. Мистер Малоун, вы тоже можете подойти сюда.

Вулф протиснулся к капитану, который достал из-за перегородки тяжелый длинный предмет в черном футляре. Малоун подошел к мужчинам, а женщины замерли, вытянув шеи. Томпсон открыл футляр, и взору гостей предстал телескоп в разобранном виде.

— О боже мой! — воскликнул Малоун. — Где вы раздобыли это чудо, капитан?

— Его изготовили по специальному заказу, — с гордостью ответил Томпсон, — правда, я не знаю, как его собрать. Может быть, вы знаете, Вулф?

Следопыт пожал плечами.

— Я могу попробовать.

Малоун и Томпсон шагнули к бару, а Вулф сел на пол, скрестив ноги и повернувшись спиной к столу. Быстро разобравшись что к чему, он начал собирать телескоп.

— Вы хорошо знакомы с астрономией? — спросил его Томпсон.

— Совсем немного. Думаю, хуже, чем вы, я же не моряк.

Томпсон повернулся к Малоунам.

— Вы пока можете выйти на палубу и полюбоваться звездами. Мы с Вулфом присоединимся к вам, как только соберем телескоп.

Когда Малоуны вышли, Вулф заметил с усмешкой:

— Что-то я не вижу, чтобы вы собирали телескоп, капитан. Вы палец о палец не ударили.

Томпсон сел на пол рядом с Вулфом.

— Вы намеренно доводили старушку до белого каления, — заговорил он, пропустив мимо ушей насмешливое замечание пассажира. — Вы с ней встречались прежде?

Вулф пожал плечами, продолжая свое занятие.

— Я видел Малоунов в ресторане отеля «Морган», — наконец произнес он. — Я там был вместе с нашим общим другом Кэмероном. Вы же знаете, как он падок на хорошеньких женщин, особенно когда пропустит пару стаканчиков. Думаю, бдительная мамаша заметила, как он глазел на мисс Малоун.

— А вы, конечно, в этом плане совершенно невинны.

— Разумеется! — Вулф усмехнулся. — Теперь моя очередь задавать вопросы. Что, черт возьми, происходит с их дочерью?

Томпсон нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

Вулф взял деталь телескопа, вставил ее в гнездо и прикрутил.

— Она какая-то странная, разве нет?

— Я ничего такого не заметил.

Уголок губ капитана слегка дрогнул.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы она разговаривала?

— Слышал.

Вулф кивнул в сторону очередной детали.

— Прикрутите это сверху. Значит, она не немая?

— Ну, если она говорит, как она может быть немой? — Капитан, не выдержав, рассмеялся. — Да Алана просто клад для мужчины — красива, богата и молчалива. Повезет тому, кто станет ее мужем! — Он смахнул с рукава невидимую пылинку. — Такая жена подошла бы вам. Вы тоже немногословны. Два молчуна — отличная парочка.

— Я не собираюсь делать ей предложение. И с чего это вы взяли, что я молчун? Я был единственным гостем за столом, который пытался как-то поддержать разговор, хотя не имею никакого отношения к этому семейству. Мне больше не хотелось бы общаться ни с мистером Малоуном, который имеет неприятную привычку бубнить одно и то же, ни с его супругой, говорящей в лицо завуалированные гадости. Отвратительная семейка! Они не дают дочери слова вставить. И потом, не забывайте, что мисс Малоун помолвлена с «очень важной персоной» — каким-то Хеменуэем из Бостона.

Томпсон усмехнулся.

— Это будет грандиозный мезальянс. Малоуны — ирландские католики, и брак дочери с представителем бостонской элиты для них — единственный входной билет в высшее общество. Так что это брак по расчету. Однако я сомневаюсь, что мисс Малоун безропотно пойдет на поводу у родителей. Она, кстати, не хочет выходить замуж за Хеменуэя. Я знал Алану, когда она была еще ребенком. Вам не следует недооценивать ее.

Вулф прикрутил к телескопу последнюю деталь.

— К чему вы это сейчас сказали? — проворчал он и протянул руку. — Давайте линзы, черт побери!

Томпсон протянул Вулфу небольшой круглый контейнер.

— Кстати, позвольте выразить свое восхищение вашими безупречными манерами за столом и мастерским владением английской речью, мистер Вулф.

Вулф метнул в сторону капитана насмешливый взгляд.

— Поцелуйте меня в задницу!

— Фу, снова эти грубые выражения! Зачем вы ими злоупотребляете? Вы боитесь, что если перестанете пересыпать ими речь, то вам придется довольствоваться словарным запасом четырехлетнего ребенка?

Вулф усмехнулся.

— Можно подумать, что у меня одного в этой стране плохие манеры и примитивный словарный запас.

— Меня удивляет другое, Вулф. Скажите, как вам, человеку, который провел половину

жизни в одиночестве, в скитаниях по Дикому Западу и мало говорил по-английски, удалось сегодня сымитировать хорошие манеры и даже выправить дикцию? Да и ваш словарный запас чудесным образом увеличился раза в два.

Вулф лишь хмыкнул, ничего не ответив. Томпсон некоторое время пристально смотрел на него, а потом снова заговорил:

— На свадьбе Тревора и Селины я заметил кое-что любопытное.

— Что именно? — буркнул Вулф.

— Крепко выпив, вы потеряли контроль над собой, и вдруг заговорили с шотландским акцентом. Откуда у вас это?

Вулф снова проигнорировал вопрос и, поднявшись на ноги, потер затекшую спину. Затем он свистнул Джулии, взял со стола горсть мятных конфет, поднял телескоп и направился к двери.

— Захватите штатив, капитан, — бросил он на ходу.

В носовой части верхней палубы судна толпились матросы, которые хотели взглянуть на новую игрушку капитана. Другие члены экипажа, свободные от вахты, прогуливались по корме, наслаждаясь тихим вечером, спокойным морем и легким бризом.

Малоуны тоже с нетерпением ждали обещанного развлечения. Первым взглянул на звездное небо в телескоп отец семейства, который вел себя как избалованный ребенок.

— Да вы только посмотрите на это! — восклицал он, завладев телескопом и никого к нему не подпуская. — Какое зрелище, какое зрелище! Я как будто парю в небе среди звезд! Никогда, никогда не видел ничего подобного.

Он засыпал Вулфа вопросами. К счастью, Вулф был в состоянии на них ответить. В конце концов, все убедились, что он знает о звездах больше, чем остальные. Пока Малоун разглядывал в телескоп вечернее небо, Вулф рассказывал окружившим его матросам и пассажирам истории о тайнах Вселенной.

Наконец мистер Малоун уступил место жене. Вулф предложил ей помощь.

— Если позволите, я настрою телескоп, — учтиво промолвил он, однако миссис Малоун решительно отказалась от его услуг.

— Капитан, будьте так добры, помогите мне, — обратилась она к Томпсону.

Покрутив ручки и настройки линз, Томпсон беспомощно пожал плечами и, повернувшись к Вулфу, поднял вверх руки.

— Сдаюсь! Прошу вас, Вулф, выручайте!

Миссис Малоун напряглась. Вулф приблизился к пожилой даме и мягко подтолкнул ее в спину к телескопу. Он надеялся, что когда очередь дойдет до дочери, его нежные прикосновения к ней не вызовут подозрений у бдительной мамы. Действия Вулфа явно носили провокационный характер, но были так тонко завуалированы, что миссис Малоун не могла им противиться. Инструктируя пожилую даму о том, как нужно смотреть в телескоп, он едва не касался щекой ее порозовевшей щеки, перейдя на хриплый чувственный шепот. Дотрагиваясь до плеча или руки миссис Малоун, Вулф едва сдерживал ухмылку.

И вот наконец очередь дошла до Аланы.

Вулф отступил на шаг от телескопа.

— Может быть, у вас будут вопросы, миссис Малоун, прежде чем вы уступите место дочери? — спросил он.

Пожилая дама побледнела, это было хорошо видно даже в лунном свете, и, ничего не ответив, лишь нервно поправила шаль.

— Твоя очередь, Алана! — крикнул Малоун.

Вулф склонил голову набок и улыбнулся девушке. Рот миссис Малоун раскрылся, как у рыбы, выброшенной на сушу. Она не могла запретить дочери подойти к телескопу. Чем оправдать такой запрет? Тем, что Вулф стоит слишком близко? Что он говорит чувственным голосом? Что он дотрагивается до рук и плеч? Подобные упреки наверняка вызвали бы недоумение у Малоуна и Томпсона, и они решили бы, что миссис Малоун спятила. А капитан еще, пожалуй, обиделся бы на то, что гости не дают своей дочери смотреть в телескоп.

Вулф повернулся к Алане, отвесил легкий поклон и жестом попросил ее подойти.

— Прошу вас, мисс Малоун, сейчас вы увидите то, что так восхитило вашу матушку.

Вулф взглянул на миссис Малоун и едва сдержал смех, увидев ее расстроенную физиономию. Она сидела в кресле рядом с мужем, сложив руки на пышной груди, и буравила Вулфа колючим взглядом. Если бы взглядом можно было убить, Вулф уже давно был бы мертв.

Положив ладонь на спину Аланы, Вулф почувствовал жар ее тела. Подведя мисс Малоун к телескопу, он стал настраивать линзы одной рукой, другой же все это время незаметно поглаживал ее. Хриплый, бархатный, мужской голос ласкал слух Аланы, а дыхание обжигало щеку. Ей было трудно дышать.

— Проклятый наглец, — прошептал Вулф, регулируя объектив.

Алана наклонилась и посмотрела в объектив.

— Что вы хотите этим сказать? — тихо спросила она.

Ей удавалось сохранять спокойный ровный тон, несмотря на то что кровь гулко стучала в висках.

— Я озвучил мысли вашей матушки, — ответил Вулф.

Да, миссис Малоун наверняка честила его сейчас на все лады. Вулф хотел убрать руку со спины Аланы, но тут девушка неожиданно прижалась к нему боком.

Вулф обнял ее за талию, издав тихий смешок. Сердце Аланы бешено колотилось. Собрав всю волю в кулак, она сосредоточилась на звездах, но картинка расплывалась перед глазами.

— И вы считаете, что ее обвинения в ваш адрес несправедливы? — спросила Алана.

— Несправедливы? О, нет! Я их вполне заслужил! — возразил Вулф. — Ей не нравится, что я оказываю на вас дурное влияние. Поскольку она стояла на вашем месте и испытала то, что вы сейчас испытываете, ваша матушка знает, о чем говорит.

«Какой восхитительный вечер!» — подумал Вулф.

— И все же я не понимаю, — промолвила Алана, разглядывая звездное небо, — почему моя мать так сильно невзлюбила вас.

Горячее дыхание Вулфа снова коснулось ее щеки, и Алане захотелось припасть к его губам.

— Потому что в вашем женихе нет и намека на тот огонь, который она почувствовала во мне, и ваша матушка понимает, что это опасно.

Он еще теснее прижался к Алане. Если бы она сейчас повернула голову, их губы соприкоснулись бы. Алана едва стояла на ватных ногах, у нее подгибались колени.

— Почему вы так уверены в этом? — пролепетала она и почувствовала, как губы Вулфа коснулись ее щеки.

— В чем? В том, что ваша мать почувствовала во мне опасность? Не надо задавать провокационные вопросы, Алана Малоун. Не надо играть с огнем!

Джулия с несчастным видом сидела перед закрытой дверью капитанской каюты и с отчаяньем смотрела на Вулфа.

— Ладно, ладно, иди, — проворчал он и толкнул дверь. — Нужно было подать голос, я бы раньше открыл. Прости, но я не умею читать собачьи мысли. Кто же знал, что ты хочешь выйти?

Пес выскользнул из каюты и направился в сторону кормы.

— Если бы мне так сильно приспичило сходить в туалет, я бы не стал ждать, сидя у закрытой двери, — заявил Вулф.

— В этом и заключается разница между диким Вулфом^[1] и воспитанной собакой, — промолвил Томпсон, склонившись над навигационными картами. — Вулф опорожнится в любом месте.

— И правильно делает.

Вулф погладил взъерошенные волосы и, зевнув, взял со стола печенье.

— Хотите есть? — спросил Томпсон.

— Скоро полдень, можно и ланча подождать, — ответил Вулф, доставая из сундука черные сапоги. — Может быть, прогуляемся по палубе? Я хочу, чтобы вы провели мне экскурсию.

— Сейчас не могу.

— И долго еще вы собираетесь сидеть над этими картами? Вы изучаете их с раннего утра!

— А вам откуда знать, во сколько я встал? Впрочем, дело не в картах. В это время мисс Малоун занимается гимнастикой.

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнул Вулф и заковылял к столу, успев надеть один сапог. — Мы не можем выйти на палубу из-за мисс Малоун? Вы шутите?

Томпсон бросил карандаш и выпрямился на стуле, потирая поясницу.

— Пока мисс Малоун занимается гимнастикой, членам экипажа, кроме тех, кто несет вахту, запрещено выходить на палубу. — Сделав глоток чая, капитан бросил взгляд на часы. — Осталось пятнадцать минут.

Вулф заглянул капитану в глаза.

— Скажите, Томпсон, это происходит ежедневно или сегодня вы просто выполняете каприз мисс Малоун?

— У мисс Малоун не бывает капризов. По ней можно часы сверять, это очень дисциплинированная юная леди. Она занимается каждый день, если позволяет погода.

Вулф склонил голову набок.

— Означает ли это, что если кто-то из трех женщин, находящихся на борту вашего судна, захочет позагорать, то нам всем придется бежать в укрытие? Или привилегии имеет только мисс Малоун?

Вулф подошел к иллюминатору и взглянул на ясное голубое небо. Его бесило, что по чьей-то прихоти он должен торчать в каюте в такую чудесную погоду.

— Черт побери! — ругнулся он, натягивая второй сапог.

Томпсон издал смешок.

— Вы в своем репертуаре. Не злитесь! Мисс Малоун — энергичная юная леди, она не

любит сидеть взаперти.

— А я люблю?

Томпсон пропустил замечание Вулфа мимо ушей.

— Она плавает на моих судах с тринадцати лет, — продолжал он. — А вообще впервые поднялась на борт морского судна, когда ей было десять. Именно тогда Алана начала заниматься гимнастикой на палубе. И я не вижу причины заставлять ее прекращать эти занятия из-за упрямого осла, который случайно оказался с ней на одном судне.

— Кто она такая, чтобы получать в свое распоряжение весь клипер, когда ей заблагорассудится? — сердито промолвил Вулф.

Томпсон подался вперед.

— Вы забыли, что я везу груз, который принадлежит ее отцу?

— И что из этого? — не унимался Вулф.

— А то, что судоходная компания Андрузов процветает именно благодаря таким людям, как мистер Малоун. Или вы думаете, что я позволил бы любому пассажиру в течение сорока пяти минут в гордом одиночестве заниматься гимнастикой на палубе?

Вулф схватил куртку.

— И это в то время, когда остальные пассажиры и члены экипажа должны сидеть в заточении! — воскликнул он.

Томпсон поднял руку.

— Перестаньте, Вулф. Вы можете разгуливать по палубе целых двадцать три часа и пятнадцать минут в сутки. Если хотите, я могу сдвинуть занятия Аланы на час раньше — на то время, когда вы еще спите.

— Лучше поцелуйте меня сами знаете куда!

Надев куртку, Вулф вышел из каюты, но через пять минут вернулся. За ним в каюту вбежала Джулия.

— Там никого нет, — обескураженно сообщил Вулф.

Томпсон хохотнул.

— Я знаю. Мне пришлось обмануть вас, занятия Аланы закончились добрых двадцать минут назад. Не мог же я позволить, чтобы вы ей помешали.

Стоя на носу клипера, Алана любовалась его оснасткой — начищенной медью и отполированным деревом. Она наполнялась энергией, когда наблюдала, как весело скользит судно по глади вод. Сегодня погода, как никогда, благоприятствовала морским прогулкам. Несмотря на то что Алана часто плавала на судах, ее всегда бросало в трепет от вида белоснежных парусов на фоне синего неба.

Опершись на перила, она посмотрела на носовую фигуру — позолоченную скульптуру богини, с вытянутыми руками, указывавшими путь. Морская легенда гласила, что фигуры, украшающие нос кораблей, знают каждого дельфина, и когда те плывут вдоль борта, окликают их по имени.

— Алана, отойди от перил, ты можешь упасть за борт! — раздался скрипучий голос матери, похожий на крик чаек.

Хм... Если бы она знала, какие опасные упражнения делала ее дочь во время занятий гимнастикой, то давно бы умерла от страха. Слава богу, отец это предвидел и много лет назад запретил жене присутствовать на занятиях.

Выпрямившись, Алана направилась к миссис Малоун, которая вместе с горничной,

миниатюрной азиаткой, сидела в шезлонге и вышивала бисером. Это занятие не интересовало Алану, оно казалось ей скучным. Расположившись в тени немного поодаль с открытой книгой на коленях, Алана сделала вид, что дремлет, чтобы избежать разговоров с матерью.

Уловив боковым зрением какое-то движение, она повернула голову и увидела прогуливающих по палубе Вулфа и Томпсона. У нее затрепетало сердце. Вулф остановился, широко расставив ноги. Алана улыбнулась — Вулф научился стоять на палубе морского судна.

Он был высоким и стройным. Щегольская одежда, сшитая на заказ, подчеркивала достоинства фигуры. Волосы Вулф собрал на затылке и перевязал черной лентой. Нельзя было не залюбоваться его точеным профилем.

Судя по донесшимся до слуха Аланы фразам, капитан проводил для своего гостя экскурсию. Алана наблюдала за ними сквозь полуопущенные ресницы, закрывая глаза каждый раз, когда мать бросала взгляд в ее сторону. Неожиданно мужчины направились к ним. У Аланы перехватило дыхание.

Миссис Малоун неодобрительно крикнула, заметив приближение Вулфа.

— Вы только посмотрите, кто на палубе! — воскликнул капитан, подходя к дамам.

Алана изо всех сил старалась сохранять выражение безразличия и отчужденности, однако в душе полыхало пламя. На лице Вулфа играла загадочная улыбка, он пожирал мисс Малоун жадным взглядом, а когда припал к ее руке теплыми губами, щеки Аланы порозовели. Неожиданно, издав мягкий смешок, он легонько прикусил кожу. Дрожь пробежала по телу Аланы. Ей стало нечем дышать.

Вулф всюду флиртовал с ней, а Алана не знала, что ей делать. Она сочла за лучшее притвориться, что не заметила его дерзости. Наконец, Вулф выпустил ее руку, и Алана осторожно выдохнула. Казалось, ей удалось сохранить самообладание, но, подняв на него взгляд, Алана увидела в его глазах озорные искорки, и это чуть не вывело ее из себя. Вулф явно потешался над ней и всей ситуацией, которую сам же и спровоцировал.

Миссис Малоун тоже была недовольна происходящим: капитан встал между ней и Аланой и ей не было видно, что происходит с дочерью. Это беспокоило пожилую даму, она ерзала в шезлонге, пытаясь заглянуть за спину Томпсона, и в конце концов потеряла равновесие. Рукоделие выпало из ее рук, и бисер рассыпался по палубе, переливаясь на солнце.

— О, нет! — взвизгнула миссис Малоун.

Капитан и Вулф бросились собирать бусины, горничная присоединилась к ним. Алана прикусила губу, стараясь сдержать смех.

Мать встала из шезлонга с пылающими от злости щеками, натянутая как струна. Матросы, крича и подбадривая друг друга, тоже принялись собирать бисер — скорее из спортивного интереса, нежели из желания оказать услугу пассажирке.

Первым к миссис Малоун подошел Вулф. Он высыпал собранные разноцветные шарики в пухлую ладонь пожилой дамы и стал рассматривать их, тыкая в них пальцем.

Алана забавлялась, наблюдая за этой сценой. Она хотела подойти к матери и Вулфу, но миссис Малоун, заметив ее движение, жестом приказала дочери оставаться на месте, и Алана подчинилась.

— Какая красота, миссис Малоун! — осклабившись, воскликнул Вулф. — Обещаю, что мы соберем все до последней бусинки! Могу я спросить, что вы расшиваете?

Миссис Малоун сердито пробормотала что-то нечленораздельное. Она наверняка считала Вулфа виноватым в том, что рассыпала бисер.

Когда почти весь бисер был собран и члены экипажа разошлись, миссис Малоун повернулась к дочери.

— Пошли! — сказала она. — С меня достаточно этого безумия!

Вулфа не тронуло грубое поведение миссис Малоун, и он с заговорщицким видом улыбнулся Алане. Ее сердце ушло в пятки. Она быстро встала, чтобы последовать за матерью.

Вулф окинул девушку с головы до ног оценивающим взглядом.

— Вы выглядите посвежевшей. Я вижу, занятия гимнастикой творят чудеса.

От его похотливого взгляда Алана почувствовала жар внизу живота. Да, она влюбилась в Вулфа с первого взгляда в Сан-Франциско, но тогда в ее влюбленности не было еще ничего чувственного, плотского. Теперь же Алана испытывала к этому человеку физическое влечение. Может быть, он загипнотизировал ее? Почему ее обуревало желание лизнуть его в щеку, поцеловать в губы?

Алана молча повернулась к нему спиной и поспешила уйти с палубы, пока Вулф не догадался, что с ней происходит.

Вулф сидел в каюте, положив ноги в черных сапогах на потемневшую каминную решетку. Возле него на столике стоял бокал с виски, а рядом лежал мешочек из-под имбирного чая. Вулф ссыпал в него собранный на палубе бисер, который миссис Малоун не пожелала взять, и теперь развлекался тем, что рассматривал яркие разноцветные бисеринки через лупу, которую взял у капитана.

В дверь постучали.

— Неужели на борту этой посуды живут дятлы? — пробормотал Вулф и взглянул на часы. Он не ждал так рано Томпсона, который ушел на встречу с Малоунами. — Открыто! Входите! — крикнул Вулф и вернулся к своему занятию.

В дверь каюты раздраженно забарабанили. Тяжело вздохнув, Вулф отложил лупу в сторону и направился к двери. В руке он все еще сжимал бисер.

— Миссис Малоун? — изумился Вулф, увидев, кто к нему пришел.

Он отступил в сторону, впуская грузную даму внутрь. Она проплыла мимо него и остановилась в центре каюты, опираясь на зонтик от солнца, которым, видимо, и барабанила в дверь. Миссис Малоун держалась очень прямо, гордо вскинув подбородок.

Вулф закрыл дверь и отвесил даме небрежный поклон.

— Может быть, присядете? Не хотите ли что-нибудь выпить? — спросил он.

— Я на минутку, — резким тоном промолвила она, сверля Вулфа колючим взглядом.

Он широким шагом направился к камину и прислонился плечом к резной каминной полке.

— Чем обязан вашему визиту? Что вы хотели сказать мне, прежде чем вернуться к мужу и капитану, которые как раз в эту минуту мирно беседуют в вашей каюте?

Полная грудь пожилой дамы высоко вздымалась и опускалась, выдавая ее волнение.

— Я хочу, чтобы вы держались подальше от моей дочери!

— Не проблема.

Слова миссис Малоун не стали для Вулфа неожиданностью.

— Я вас предупредила!

В голосе матери Аланы слышалась неприкрытая агрессия. Судорожно сжав в руках зонтик, она двинулась на Вулфа. И выглядела так нелепо, что Вулф чуть не расхохотался. В своем диковинном платье в черно-желтую полоску и такой же шляпке она напоминала ему гигантского шмеля. Зонтик при этом вполне мог сойти за жало. Странно, но Вулф вдруг проникся состраданием к этой женщине. Агрессия и враждебность выдавали слабость ее натуры. За угрозами и попытками запугать миссис Малоун прятала собственные страхи.

— Вы боитесь меня, миссис Малоун, — негромко промолвил он. — Но почему? Я веду себя предупредительно и учтиво по отношению к вашей семье. С вашей дочерью за все это время я едва ли перекинулся парой фраз. Честно говоря, я сомневаюсь, что она узнает меня, если когда-нибудь встретит на улице.

Вулф хотел отойти от камина, но, заметив это, миссис Малоун отскочила в сторону. Чтобы не пугать ее, он снова привалился плечом к каминной полке и скрестил руки на груди.

— Почему вы решили, что от меня исходит какая-то угроза? — спросил Вулф.

Миссис Малоун подошла к иллюминатору и уставилась в него.

— Моя дочь помолвлена. Она связала свою жизнь с замечательной семьей... то есть, я хотела сказать, с замечательным человеком. Мы не желаем, чтобы вы вмешивались в ее судьбу.

— Так я и не вмешиваюсь, мэм. Что заставляет вас думать иначе?

Миссис Малоун ответила не сразу. В каюте установилась тишина, которую нарушало лишь тиканье часов на каминной полке. Наконец, миссис Малоун повернулась лицом к Вулфу. Он заметил, что подол ее платья слегка дрожит. На нее, видимо, вновь накатила волна бессильной ярости. И Вулф знал почему. У миссис Малоун не было прямых обвинений, которые она могла бы бросить ему в лицо.

Ее губы беззвучно дрогнули, а затем миссис Малоун выкрикнула:

— Если бы вы не помогли нам избавиться от морской болезни, мистер Малоун был бы сейчас на моей стороне! Он взглянул бы на вас непредвзято и понял бы, что вы за человек!

Вулф был слегка обескуражен.

— И что же я, по-вашему, за человек?

— Вы... вы не подходите для моей дочери!

Несмотря на растущее в его душе отвращение к этой женщине, Вулф не захотел положить конец неприятному разговору, а задал ей еще один вопрос:

— Вы не знаете ни меня, ни обстоятельств моей жизни. Как же вы можете судить обо мне?

— Мне достаточно вашего рассказа о себе, мистер Вулф! Вы сами признались, что когда были маленьким, вас бросили родители.

— И что из этого?

— Что из этого?! — Щеки миссис Малоун пылали, в глазах горела ненависть. — А то, что вы уличный беспризорник!

— Кто-кто? — переспросил Вулф, чувствуя, что у него все холодеет внутри.

— Оборванец, хулиган!

У Вулфа заныло сердце. Слова миссис Малоун задели его за живое.

— Миссис Малоун, — медленно произнес он, — не каждый молодой человек, выросший в Миссури, становится хулиганом. Уверяю вас, там живут не менее умные, успешные, богатые и цивилизованные люди, чем в Бостоне. Не хотите ли вы сказать, что если ваша дочь влюбится в богатого, добившегося успеха в жизни мужчину, он не подойдет

ей только потому, что рос сиротой?

— Это вы-то богатый, добившийся успеха в жизни человек, мистер Вулф? — с сарказмом в голосе спросила миссис Малоун.

— Я бы не назвал себя богатым, но...

— Тогда молчите! — Она направилась к выходу. — Как были ни на что не годным беспризорником в детстве, так им и остались.

Вулф бросился к двери и перегородил ей дорогу. Миссис Малоун резко остановилась, чтобы не столкнуться с ним. В ее глазах мелькнуло выражение страха.

— Ответьте на несколько вопросов, миссис Малоун, и тогда я вас отпущу.

Она изменилась в лице, но постаралась взять себя в руки.

— Как вам будет угодно.

— Если вы встретите на улице сироту, вы дадите ему теплую одежду, чтобы он согрелся в зимние холода?

Миссис Малоун схватилась за горло, словно ей было трудно дышать, и ничего не ответила.

— Если вы застанете в своем доме голодного беспризорника, проникшего к вам, чтобы украсть кусок хлеба, вы примете меры, чтобы его арестовали или застрелили? — эти слова рвались из глубины сердца Вулфа, но он говорил сдержанным тоном, стараясь не выдавать своих истинных эмоций. — Или вы сочтете нужным прочитать ему нотацию и, не накормив, выставить за дверь?

Миссис Малоун облизала кончиком языка пересохшие губы, с тоской поглядывая на дверь, путь к которой ей преграждал Вулф.

— А сейчас я скажу странную вещь, — продолжал он. — Возможно, это мне следовало попросить вас дать совет дочери держаться от меня подальше.

Миссис Малоун судорожно вздохнула. Вулф взял ее под руку и подвел к двери.

— Мне кажется, миссис Малоун, — произнес он, видя, что она находится в полном смятении, — нам не следует распространяться о нашей встрече. — Вулф подмигнул даме. Та выдохнула со свистом и кивнула. — И еще кое-что нам нужно сохранить в секрете.

— Что... что именно? — пролепетала миссис Малоун.

Вулф ухмыльнулся.

— То, что воспринимается вами как проблема, на самом деле, возможно, не существует. Это порождают ваши страхи.

Глаза пожилой дамы стали круглыми от изумления, пухлые, униженные перстнями пальцы замерли на горле. Небрежно прислонившись к дверному косяку, Вулф скрестил на груди руки. В кулаке он все еще сжимал горсточку бисера.

— В любом случае, требовать от меня, чтобы я держался от кого-то подальше, — это все равно что размахивать красной тряпкой перед быком. Всего доброго, мэм.

Миссис Малоун поспешно вышла. Вулф, захлопнув за ней дверь, беспечно свистнул. Подойдя к столу, он высыпал бисер в мешочек из-под имбирного чая и при этом задел рукавом бокал с виски. Бокал упал на каминную решетку и разбился вдребезги.

— Черт возьми! — воскликнул Вулф.

Наклонившись, он стал собирать с пола осколки, блестящие на солнце, лучи которого падали в каюту через иллюминатор. Внезапно ему пришла в голову занятная идея. Выпрямившись, посмотрел на свет сквозь толстый осколок, поворачивая его под разными углами, а затем усмехнулся.

— Ну, что ж, миссис Шмель, спасибо, что зашли, — промолвил он с озорным блеском в глазах.

— Прошлым вечером я забыл передать вам это, — сказал мистер Малоун Вулфу, положив перед ним на стол серебряную визитницу.

Юный помощник кока как раз хотел подать Вулфу ужин, но так как место было занято подарком, поставил тарелку перед Малоуном.

Вулф кивнул и стал разглядывать визитницу.

— Я впечатлен.

— Это за то, что вы помогли моей семье справиться с морской болезнью во время шторма, — пробормотал Малоун, с аппетитом принимаясь за ужин.

Томпсон, пряча усмешку, потупил взор. Вулф, заметив реакцию капитана, ухмыльнулся и стал разглядывать гравировку на крышке.

— Это визитница работы известного на Востоке серебряных дел мастера, не так ли? — промолвил он, отодвигая подарок в сторону.

Помощник кока наконец подал ему ужин. Пока Вулф спокойно ел, Малоун читал ему длинную лекцию о серебряных изделиях, поступающих в Америку с Востока. Время от времени Вулф одобрительно кивал, то ли воздавая хвалу вкусной еде, то ли благодаря Малоуна за интересные сведения.

Затем он сконцентрировал свое внимание на Алане. Своим холодным взором, молчаливостью и отчужденностью она напоминала ему китайцев, с которыми Вулф сдружился в Сан-Франциско. Однако Алана перестала быть для него абсолютной загадкой. Она была словно чистый лист бумаги, на котором постепенно начали проступать строчки. И это интриговало Вулфа.

Хмурая миссис Малоун вела за столом тихий разговор с Томпсоном. «Она сама себя ужалила», — подумал про нее Вулф. Теперь он называл про себя эту даму не иначе, как миссис Шмель. Ее платье сегодня нельзя было назвать безвкусным, но обилие драгоценностей изумляло. Они были повсюду — на запястьях, на пальцах, на шее, в ушах. Странно, что у нее еще хватало сил поднимать вилку ко рту. Да, у этой дамы не было вкуса. Похоже, она сдалась и больше не пыталась подкалывать Вулфа. Он не рассчитывал на это и явился на ужин во всеоружии, готовясь дать отпор любым проискам миссис Малоун. Однако та сдулась, и ему теперь предстояло умирать со скуки до самого Бостона.

Вулф снова перевел взгляд на Алану. Если он сейчас перегнется через стол и поцелует девушку в пухлые, влажные губы, разразится вожделенный скандал. Как будто прочитав его мысли, Алана выгнула бровь.

Вулф сделал то же самое.

— Я вспомнил, что у вас есть жених, мисс Малоун. Могу я поинтересоваться, назначен ли уже день свадьбы? — спросил он, пожирая ее жадным взглядом, который останавливался то на открытой шее, то на верхней части груди, видневшейся в глубоком вырезе платья.

На шее Аланы пульсировала голубая жилка, и Вулфу страшно хотелось припасть к ней губами.

— Нет, дата еще не назначена, — раздался мягкий девичий голос.

Он плыл над столом, словно утренний освежающий бриз. Вулфу стало весело. Ему хотелось смеяться от переполнявшей сердце радости жизни. Присутствие Аланы скрашивало долгое морское плавание.

— Вы постоянно молчите, мисс Малоун, — произнес он, — и это наводит на мысль, что вы так до конца и не оправились от морской болезни. Если это так, я верну вашему отцу подарок. Впрочем, я рад, что вы в конце концов воспользовались средствами лечения, которые я передал вашей семье.

Алана внимательно посмотрела на него.

— Откуда у вас эти сведения? Почему вы думаете, что сначала я не хотела ими пользоваться?

Вулф откинулся на спинку стула.

— Об этом нетрудно было догадаться. Вы с детства плаваете с отцом и, по-видимому, привыкли скрывать свое недомогание, иначе он не стал бы брать вас с собой. Вы пытаетесь самостоятельно бороться с болезнью.

Малоун погрозил дочери пальцем, что позабавило ее.

— Вы раскусили мою упрямую дочь, мистер Вулф!

— О, это не просто упрямство, — возразила миссис Малоун. — Алана думает, что может с помощью разума контролировать свое физическое состояние. — Она искоса взглянула на мужа. — И ты прекрасно знаешь, откуда у нее эти идеи!

— Ты обвиняешь меня в том, что это я внушил ей их? — спросил Малоун и сунул в рот ломтик картофеля.

Алана тихо засмеялась. Вулф усмехнулся.

— Мне нравится, что вы способны смеяться над собой, — заметил он.

— Поступать иначе было бы признаком ложной гордости, — ответила девушка.

— А разве упрямство не сродни гордости?

Алана покрутила в руках бокал с шерри, глядя на золотистую жидкость и загадочно улыбаясь. Медленно поднеся бокал к губам, она подняла глаза на Вулфа.

— Все имеет свою противоположность, Вулф. Упрямство — это терпение, но только наоборот.

Под прицелом ее синих глаз Вулфу вдруг стало трудно дышать. На короткий миг он забылся, не понимая, где находится, и не чувствуя своего тела.

— Мисс Малоун... — выдавил Вулф из себя, — даже если все имеет свою противоположность, не является ли все же упрямство ложной гордостью?

— Тогда что вы скажете о терпении?

Она медленно провела пальцем по краю бокала, Вулф как замороженный следил за ее движениями. У него гудела голова, и в паху ощущалась тяжесть.

— Э... терпение связано с нашей духовной сущностью, — произнес он, сделав над собой усилие.

— О! — Алана посмотрела Вулфу прямо в глаза и облизнула кончик пальца. — Вы начитанный человек.

Резкий голос миссис Малоун разрушил все очарование:

— Вы только посмотрите, как моя дочь устанавливает собственные правила!

Значит, мамаша пристально следила за разговором Аланы и Вулфа, не упуская ни слова. Она повернулась к капитану.

— Алана постоянно держит меня в напряжении!

Томпсон кивнул.

— Это она умеет, — весело отозвался капитан.

Но миссис Малоун было явно не до веселья. Ее лицо хранило мрачное выражение.

— Вы надолго в Бостон, мистер Вулф? — спросил Малоун, потягивая шерри.

— Нет, как только улажу все дела, сразу же вернусь в Сент-Джозеф. Скажите, вы и миссис Малоун родом из Ирландии?

— Мы шотландцы из Ольстера, сэр! — взревел Малоун так громко, что Джулия, лежавшая у ног Вулфа, подняла голову.

Его лицо пошло багровыми пятнами.

— Простите, я не хотел вас обидеть... — начал извиняться Вулф.

— Все в порядке, все в порядке! — остановил его Малоун, помахивая вилкой в воздухе. — Знаете, существует большая разница между ирландцами и ирландскими шотландцами. Мы не нищие ирландские иммигранты-католики! Мы приехали в Америку с деньгами еще до того, как ее заполонила беднота из Ирландии.

— И мы больше не католики, — вмешалась в разговор миссис Малоун, — мы унитарии!

Малоун пронзил жену гневным взглядом, и она замолчала.

Вулф понял, что в Бостоне Малоунам приходилось бороться с предвзятым отношением к выходцам из Ирландии. Общество враждебно встречало даже богатых ирландцев. Однако Вулф не мог взять в толк, каким образом эти косные супруги, грезившие только о высоком положении в обществе, воспитали такую загадочную девушку, как Алана.

— Мы давно переселились в Америку, — продолжал Малоун. — Еще в тысяча восемьсот тридцатом году, если быть точным. Прямо перед Рождеством.

По спине Вулфа пробежал холодок. В 1830 году была убита его мать.

— Вы приехали сразу в Бостон? — быстро спросил он.

Миссис Малоун не дала ответить мужу.

— О господи, разумеется! — воскликнула она. — Что это было за путешествие! Страшно вспомнить. А я тогда была беременна. Мы долго плыли по бушующим волнам Атлантического океана.

Вулф чувствовал, как в его душе вскипает ярость. Так бывало всегда, когда он вспоминал, что произошло с его матерью. В висках стучала кровь, к горлу подкатил комок, взгляд заволокла пелена.

Чтобы успокоиться, Вулф сосредоточился на словах миссис Малоун.

— Не понимаю, зачем вы рисковали, отправляясь в столь трудный путь, — заговорил он снова. — Что побудило вас покинуть родину, будучи беременной?

— Мы хотели, чтобы наш ребенок родился в Америке, — вместо жены ответил Малоун. — И наша Алана действительно появилась на свет уже здесь, накануне Рождества Христова. Вот почему мы называли ее Мэри, это второе имя нашей дочери.

У Вулфа все перевернулось внутри. Алана родилась за сутки до убийства его матери. Он залпом осушил бокал шерри и заставил себя глубоко дышать, чтобы успокоиться.

— Простите меня за дерзость, миссис Малоун, — промолвил он, — но я все же еще раз хочу сказать, что сильно удивлен. В вашем положении проделать столь долгое плавание по Атлантическому океану зимой — безумная затея. У вас были знакомые в Бостоне, которые могли бы помочь вам устроиться с новорожденным младенцем?

На самом деле ему хотелось заорать: «Черт побери, признавайтесь, вы знали моих родителей?!»

— Нет, мистер Вулф, мы никого не знали в Бостоне, но у нас были деньги, и это позволяло нам решать все проблемы с обустройством на новом месте. Хотя долгое время мы чувствовали себя в Бостоне чужаками. В первые дни я готова была вернуться в Ирландию, но

мистер Малоун запретил мне даже думать об этом.

Холодок снова пробежал по спине Вулфа.

— Но почему вы хотели уехать? Что произошло? — спросил он.

Малоун постучал костяшками пальцев по столу и бросил хмурый взгляд на жену.

— Давайте оставим все эти унылые разговоры, — сказал он.

— Но мистер Вулф просит рассказать о том, что случилось, — возразила его супруга. —

С моей стороны было бы невежливо игнорировать его вопросы.

Вулф понял, что близко подобрался к какой-то тайне, и не желал прекращать расспросы.

Он перешел с шерри на виски и, выпив стаканчик, почувствовал, как крепкое спиртное обожгло ему горло.

— Вы возбудили во мне любопытство, и теперь я не отступлю, — заявил он. —

Поведайте, что произошло в Бостоне сразу после вашего приезда, а потом мы снова предоставим вашему мужу возможность взглянуть в телескоп на звездное небо.

Миссис Малоун заправила за ухо выбившийся из прически локон и начала рассказывать:

— Мы едва успели перевезти вещи в дом, который купили сразу по приезде, как у меня начались роды. На свет появилась Алана. А на следующую ночь — заметьте, это было Рождество — по соседству убили женщину. — Миссис Малоун понизила голос до взволнованного шепота: — Это произошло в двухстах ярдах от нас!

Кровь прилила к голове Вулфа и застучала в висках.

— Значит, ее убили на улице? — боясь выдать себя, задал вопрос Вулф.

— Нет, нет. — Миссис Малоун замахала рукой. — Она была убита в собственном доме.

Теперь ее ничто не могло остановить. Миссис Малоун гремела, как пустая железная бочка, катившаяся с горы.

А Вулф заново переживал события своего детства. У него щемило сердце, но он должен был выудить у миссис Малоун всю информацию, которой она располагала.

— А что случилось с мужем убитой женщины?

— О, бедняга! — Миссис Малоун достала из рукава носовой платок и промокнула уголки глаз. — Вскоре после происшествия мы переехали в другой дом, но мне рассказывали, что муж убитой вернулся в Бостон через пару месяцев и не обнаружил своей семьи. Его жена погибла, а сынишка бесследно пропал. Представляете? Теперь вы понимаете, почему я хотела покинуть Америку? Я была так молода и скучала по своим близким, оставшимся в Ирландии. Кроме того, я была страшно напугана. Мистер Малоун запрещал мне покидать дом в течение нескольких недель. Он даже нанял охранников.

— На моем месте так поступил бы каждый отец семейства, — вставил слово в рассказ жены мистер Малоун.

Его супруга махнула рукой, взволнованно дыша.

— Он боялся, что тот, кто увез соседского мальчика, явится за нашей малюткой. В то время в округе не было дома с малыми детьми, который не охранялся бы днем и ночью. Мы наняли для Аланы телохранителя. Он до сих пор служит у нас. Сейчас этот человек ждет ее в Бостоне.

— А что случилось с сыном убитой? — спросил Вулф. — Наверняка до вас доходили какие-то слухи. Что по этому поводу говорили в городе?

— Сначала все думали, что перепуганный до смерти мальчик где-то прячется, — ответила миссис Малоун. — Возможно, он видел убийцу и боялся за свою жизнь. Однако в середине февраля в город приехал его отец, но сына так и не нашел.

У Вулфа защемило сердце. Значит, отец все же вернулся домой.

— О судьбе пропавшего ребенка оставалось только гадать, — продолжала миссис Малоун. — Возможно, его увезли и продали в рабство этим ужасным туркам.

— О, мама, не говори, чего не знаешь, — спокойным тоном промолвила Алана.

— Но такие вещи случаются! — заявила миссис Малоун и погрозила дочери пальцем. — Не забывай об этом! — Она повернулась к Вулфу. — Моя дочь думает, что с ней не может ничего случиться, что она неуязвима.

Вулф пожал плечами, стараясь казаться беспечным.

— Возможно, когда все успокоилось, мальчик вышел из своего укрытия и нашел отца, — предположил он.

— Вряд ли, — промолвил Малоун. — Слишком много времени прошло с момента трагедии до приезда отца. Соседи говорили, что этот человек жил ради семьи и очень переживал утрату. В течение двух последующих лет он жил как отшельник. Ходил только на работу и больше нигде не показывался.

У Вулфа снова кольнуло сердце. Оказывается, отец два года жил в опустевшем доме, даже не пытаясь найти пропавшего сына, своего единственного ребенка.

— Он так и не женился во второй раз?

— О нет! Говорят, он держал окно в комнате сына всегда открытым в надежде, что мальчик вернется. Но в конце концов отчаялся снова увидеть его, продал дом и куда-то уехал.

Вулфа охватила грусть, к горлу поступил ком.

— Кто-нибудь слышал о дальнейшей судьбе этого человека?

— До нас дошли слухи, что он вступил в Королевскую армию, уехал в Индию и там погиб.

Эти слова поразили Вулфа в самое сердце. В глубине души он все еще надеялся когда-нибудь свидеться с отцом, но теперь его надежды рассеялись как дым.

Малоун вздохнул.

— Я видел его жену за день до трагедии из окна нашего дома. Она была писаной красавицей, более красивой женщины я в жизни не встречал. А какие волосы у нее были! Каштановые, блестящие! Загляденье! Ее сынишка тоже был милым мальчуганом, с копной русых волос он был похож на одуванчик.

— Странная история произошла с волосами этой женщины, — снова заговорила миссис Малоун, обмахиваясь носовым платком.

Вулф насторожился.

— С волосами, вы сказали?

Ему приходилось делать над собой невероятное усилие, чтобы скрыть волнение. Вулф боялся, что голос выдаст его.

— Кто-то отрезал их накануне похорон, — ответила миссис Малоун. — Говорят, когда ее тело выставили в гробу для прощания в одной из комнат, волосы были на месте. Но на следующее утро обнаружилось, что кто-то коротко постриг покойницу. Пряди каштановых волос были аккуратно разложены по всему дому. Их нашли даже во флигеле, где жили слуги. Непонятно, кто мог проникнуть туда, никого не разбудив. Эта странная история напугала прислугу до полусмерти. Все разбежались, и в доме осталась только одна супружеская чета, которая решила дожидаться возвращения хозяина. Как только он приехал, они тоже уволились.

Вулф, вздохнув, потер лоб.

— О господи, наш рассказ расстроил вас? — произнесла миссис Малоун и протянула

было руку, чтобы коснуться локтя Вулфа в сочувственном жесте, однако тут же отдернула ее. — Обычно мужчин трудно чем-нибудь пронять. Но вы ведь сирота...

— Все в порядке, миссис Малоун, — успокоил ее Вулф, заставив себя улыбнуться. — Я всегда сильно переживаю, когда слышу о трагедиях, произошедших с женщинами или детьми. Не понимаю, как можно причинять им боль! — Он встал. — Если позволите, я установлю телескоп для мистера Малоуна.

— Сначала я должен взглянуть на ночное небо, — заявил Томпсон и, подойдя к двери, распахнул ее. — На небе не видно звезд, — сообщил он и вернулся на место. — Впрочем, это даже хорошо! Дамы и господа, ваш капитан страшно устал, а завтра утром ему нужно быть свежим и полным сил. Поэтому прошу меня извинить, но нам всем пора отдохнуть.

Когда Малоуны ушли, Томпсон запер за ними дверь и подошел к Вулфу, сидевшему у камина, положив ноги на решетку и низко опустив голову.

— Уберите ноги, — попросил его капитан. — Я хочу зажечь огонь, нам нужно поговорить.

Когда Вулф поднял голову, Томпсон озабоченно нахмурился.

— Тот парнишка, похожий на одуванчик, — это были вы? — спросил он без обиняков.

Вулф встал с койки и быстро надел брюки. Накануне вечером он выпил слишком много спиртного, и во рту у него все пересохло. В висках гулко стучала кровь. Впрочем, жестокое похмелье помогало ему отвлечься от тяжелых мыслей.

Сейчас он думал только о том, что Джулия куда-то запропастилась, а Томпсон еще не вернулся от Малоунов. Вулф держал дверь открытой, поставив в проем стул, но собака не возвращалась. Несмотря на ясное небо, дул довольно резкий ветер. Должно быть, погода испортилась.

— Черт побери, Джулия, кто бы мог подумать, что от тебя будут одни неприятности, — пробормотал Вулф, обувая сапоги и натягивая свитер.

Не обнаружив Джулию на корме, Вулф расстроился. Матросы сказали, что давно не видели собаку, и тревога Вулфа усилилась. Он направился к трапу, ведущему на нижнюю палубу, где Томпсон встречался с Малоунами, но тут заметил камеристку Цуй Лин. Она стояла, уперев одну руку в бок, а другой прикрывала глаза от яркого солнца. Девушка смотрела куда-то вверх, на мачты, а у ее ног лежал пес. Судя по всему, он сладко спал.

Вулф проследил за взглядом китайки и обомлел. Среди парусов он увидел босую Алану, одетую в мужские штаны, какие носили матросы на судне, и рубаху с закатанными рукавами. Она висела на грот-мачте, как обезьянка на лиане, на высоте двадцати футов. Волосы Аланы были заплетены в длинную косу, доходившую почти до талии.

Но где же находились члены экипажа? Внезапно Вулф все понял. Это было время гимнастических занятий мисс Малоун, и все мужчины попрятались.

Вулф отступил в тень каюты боцмана, спасаясь от яркого солнца, от которого рябило в глазах. Прислонившись к стене, он скрестил на груди руки и стал наблюдать за Аланой как замороженный.

Демонстрируя завидную гибкость, она подтягивалась и ловко лазила по канатам, как заправская воздушная гимнастка. При этом Алана, похоже, не замечала ничего вокруг. У нее был сосредоточенный отчужденный взгляд. Ее ярко освещало солнце. Изогнувшись, Алана замерла лицом к ветру и закрыла глаза, а затем стала снова плавно двигаться, как будто у нее в ушах звучала музыка. Подчиняясь ее ритму, она скользила вверх и вниз по канатам.

Вулф упивался красотой ее грациозных движений. Бесстрашие Аланы опьяняло его. Гибкость тела распалая воображение. Он представлял Алану на ложе любви и чувствовал физическое возбуждение. Ветер раздувал штаны и рубаху Аланы, время от времени она закрывала глаза, позволяя ветру ласкать себя. Вулфа бросило в дрожь. Он наверняка потерял бы равновесие от избытка чувств, если бы не прислонился к стене каюты.

Ощущая тяжесть в паху, Вулф невольно вспомнил о том, что у него давно не было женщин. Алана тем временем так высоко взобралась на грот-мачту, что снизу походила на куклу. Неужели она намеревалась взобраться на самую вершину? Если Алана сорвется, то наверняка разобьется насмерть. Однако, судя по всему, она чувствовала себя в родной стихии.

Вулф не понимал, как мистер Малоун мог позволять дочери так рисковать жизнью. Он был настолько поглощен волшебным зрелищем, что не заметил, как отец Аланы подошел к нему. Мистер Малоун в сердцах саданул кулаком по стене рядом с головой Вулфа. Это вернуло его к действительности. Повернувшись, Вулф уставился в разъяренное лицо Малоуна.

— Я намеренно промахнулся, парень! — прошипел отец Аланы, обдав Вулфа несвежим дыханием. Его лицо побагровело от гнева, на висках и шее выступили фиолетовые вены. Голос был низким, угрожающим. — Хватит пялиться на мою дочь с таким сладострастием!

Ни один мускул не дрогнул на лице Вулфа, но в душе все кипело от злости.

— Вы считаете, что все мужчины мечтают только о том, как бы переспать с вашей дочерью, мистер Малоун? — голос Вулфа был спокойным и размеренным, несмотря на злость, которую он испытывал. — Но это не так! Следите лучше за Аланой! В какую игру она играет? Ваша дочь, похоже, снова устанавливает собственные правила, самозабвенно лазая по канатам. Как бы ее выкрутасы не разочаровали в первую брачную ночь того напыщенного парня, которого вы избрали для нее в качестве жениха.

Из груди Малоуна вырвался глухой клекот, и он бросился на Вулфа, пытаясь вцепиться ему в горло, однако тот ловко отпрянул в сторону и, выхватив нож из-за голенища сапога, полоснул им в воздухе, чтобы обескуражить противника. На лице Малоуна отразилось изумление.

— Прежде чем напасть на меня, вы зарычали, — сказал Вулф, поднеся острое лезвие к подбородку Малоуна. — Это выдало ваше намерение, и я вас опередил. Когда собираетесь нанести удар, не издавайте ни звука. Это вам наука на будущее.

Нож Вулфа исчез за голенищем так же молниеносно, как и появился. Малоун был ошеломлен произошедшим. Он показал на дочь, которая все еще лазила по канатам, забыв обо всем на свете.

— Я охраняю и защищаю мою маленькую девочку от таких, как ты, с младенчества, — заявил он. — Я вырастил и дал ей образование для того, чтобы она общалась с лучшими людьми этой страны. — На виске Малоуна надулась вена, на лице выступили капли пота. — Если вы думаете, что я позволю ей сблизиться с вами, то сильно ошибаетесь.

Вулф потер поросшую щетиной щеку.

— Кажется, я забыл побриться... — пробормотал он.

— Не дразни меня, парень!

Вулф бросил взгляд в сторону камбуза.

— Это вы кому сейчас сказали? Двенадцатилетнему помощнику кока? Для вас я мистер Вулф, вне зависимости от того, какое место я занимаю в обществе. Не забывайте об этом!

Малоун открыл было рот, собираясь что-то произнести, но Вулф покачал головой.

— Выслушайте меня, и вы поймете, что зря тревожитесь по поводу своей драгоценной дочери. Она меня не интересует. И дело тут не в ее внешности или возмутительном поведении. Алана, несомненно, красива, но тому, кто станет ухаживать за ней, придется общаться с вашей семьей, а это малоприятное занятие. Итак, я не только не намерен свататься к Алане, но и не вынашиваю планов скомпрометировать ее, задеть честь вашей семьи. Вы можете быть совершенно спокойны на этот счет.

Лицо Малоуна пошло багровыми пятнами.

— Зачем вы...

Вулф поднял руку.

— На вашем месте я выдал бы дочь замуж за какого-нибудь европейского аристократа, как это делают богатые люди здесь, в Америке, — продолжал он. — Но у вас, по-видимому, свое мнение. И, кажется, я догадываюсь, почему вы стремитесь связать Алану узами брака с молодым человеком из влиятельной бостонской семьи. Это своего рода сделка: в результате нее семья жениха поправит свое финансовое положение, а вы войдете в высшее общество.

— Называйте мою дочь мисс Малоун, мистер Вулф! Я не потерплю фамильярности! И если я еще раз увижу, что вы похотливо глазеете на нее или приближаетесь к ней, прикажу бросить вас за борт, чтобы акулы лишили вас мужского достоинства!

Малоун развернулся и отправился прочь. Дождавшись, когда он приблизится к двери, ведущей на нижнюю палубу, Вулф выхватил нож из-за голенища сапога и метнул его в косяк. Просвистев мимо уха Малоуна, нож вонзился в дерево.

Джулия подняла голову, наострив уши.

Малоун отпрянул в сторону.

— Проклятый идиот! Ты мог промахнуться и убить меня!

Вулф подошел к двери.

— Вы правы. — Он вытащил охотничий нож, ушедший в дерево почти по рукоятку. — Я действительно промахнулся. Должно быть, из-за ветра или качки. Я целился вот сюда.

И он показал на латунный болт в дверной петле.

Повернувшись, Вулф свистнул собаке.

— Пошли, Джулия! Будет лучше, если ты спрячешься в каюте, пока мистер Малоун не скормил твое мужское достоинство рыбам!

Когда Томпсон уже ближе к обеду вошел в каюту, Вулф лежал на койке, свернувшись калачиком. Он все еще страдал от похмелья. Перед его мысленным взором возникали соблазнительные образы Аланы, лазающей по канатам.

— Малоун требует, чтобы тебя выпороли за неподчинение моему приказу не выходить из каюты, когда его дочь занимается гимнастикой, — сухо произнес капитан.

— Да? — промолвил Вулф, не открывая глаз. — Я бы его тоже с удовольствием выпорол. Он хочет лишиться меня мужского достоинства.

Не получив ответа, он открыл один глаз. Перед ним стоял ухмыляющийся Томпсон.

— Хотите есть?

— Угу. Хотя я предпочел бы сначала принять ванну. Это не слишком нагло с моей стороны?

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, думаю, мне надо пойти вам навстречу.

Тяжело вздохнув, Вулф откинул волосы, падавшие ему на глаза, и потер лоб.

— Наверное, пора вставать. После истории с Малоуном и утренней беготни за Джулией я решил, что будет лучше, если я проваляюсь в постели целый день. Но, похоже, мне все же придется встать. — Он со стоном сел на койке, спустив ноги на пол. — О боже, у вас дерьмо, а не виски!

— Вы потребляете его в таком количестве, что качество уже не играет особой роли. Советую вам съесть горячего супа. Когда придет юнга, я распоряджусь, чтобы вам приготовили ванну. И пейте как можно больше жидкости. Спиртное обезвоживает организм.

— Вы говорите так, как будто я не знаю, что такое похмелье, и испытываю его впервые в жизни.

Вулф сполз с койки и потер виски. Томпсон следил за ним с серьезным выражением лица.

— Что такое? — спросил Вулф, заметив это. — Вы смотрите на меня так, как будто я сделал отбивную из вашего пассажира.

— Нам нужно поговорить о ноже. На борту моего судна носить ножи разрешается только в случае крайней необходимости, например, если они используются для выполнения

каких-то работ.

— Кстати, о работе. Мне нужно чем-то заняться. Я не могу сидеть сложа руки. Так я, пожалуй, с ума сойду от безделья, — заявил Вулф и, плюхнувшись обратно на койку, уставился в иллюминатор на синее небо.

— Я давно ждал, когда вы это скажете.

За дверью раздался какой-то шум, и Томпсон открыл ее. В каюту вошел юный помощник кока с кастрюлей в руках, из которой аппетитно пахло куриным бульоном.

В животе Вулфа заурчало.

— Боже, как вкусно пахнет! Я, пожалуй, поем! Эй, Чарли, неси бульон сюда!

Чарли осклабился, обнажив крупные зубы.

— Извольте, сударь.

— Неужели ты забил курицу, узнав, что я страдаю от похмелья?

Чарли хихикнул.

— Это капитан приказал рано утром сварить для вас бульон, сэр. Так как приготовил целое ведро. Бульона хватило на весь экипаж, и теперь матросы пребывают в отличном настроении.

В окно камбуза мальчик видел, что произошло утром на верхней палубе между Вулфом и Малоуном, и рассказал об этом всем членам экипажа. Теперь он немного важничал, поскольку находился в центре всеобщего внимания.

— У меня к тебе дело, Чарли, — сказал Вулф.

Мальчик бросил на него удивленный взгляд.

— Я вас слушаю, сэр.

— У тебя есть лишняя деревяшка?

— Деревяшка, сэр? К сожалению, нет. У меня было небольшое полено, но я использовал его для разведения огня в печи.

— Мне нужен совсем небольшой кусочек дерева, дюймов восемь-десять. — Вулф показал, какого размера деревяшка ему нужна. — Я хочу его обстругать.

Чарли явно огорчился.

— Ничем не могу вам помочь, сэр.

Он метнул боязливый взгляд на Томпсона, который стоял к ним спиной. Вулф тяжело поднялся с койки и, налив себе бульона, сел за стол.

— Если ты найдешь деревянный брусочек, сынок, я расскажу тебе в подробностях, что сегодня утром произошло на палубе.

Он подмигнул мальчику.

— Приготовь для Вулфа горячую ванну и принеси ему брусочек, — распорядился капитан.

Чарли кивнул и поспешно вышел из каюты. Томпсон покачал головой.

— Не знаю, что вы задумали, но если это поможет вам...

— Я же говорил вам, что хочу чем-нибудь заняться.

Томпсон тоже сел за стол.

— Вы могли бы заняться чем-нибудь полезным.

— Чем именно?

— Как у вас с цифрами?

— Вроде неплохо.

— Мы обнаружили несоответствия в транспортных накладных и фактическом наличии груза. По документам, груза должно быть на пятьсот фунтов больше. Если учесть, что в

трюме находится тысяча тонн, то разница, казалось бы, невелика. Но ведь это серебряные изделия, произведения искусства, инкрустированные столы, резьба по дереву и тому подобное. Ценные вещи! Может быть, вы поможете нам разобраться в этом деле.

— Может быть, вас обсчитали в Вампу?

— Нет. Мы работаем с человеком по имени Хонкоа, более честного поставщика во всем Китае не сыщешь. Его имя носит даже одно американское судно.

Вулф почесал в затылке.

— А не мог кто-нибудь украсть часть товара в доках Сан-Франциско?

Томпсон задумчиво отправил в рот кусочек хлеба.

— Возможно, у нас нет недостачи. Просто в документы закралась ошибка. Это надо выяснить, — наконец произнес он.

— Товар застрахован?

Капитан кивнул.

— В таком случае, может быть, Малоун сам украл часть товара, — предположил Вулф. — В Сан-Франциско он его продаст, в Бостоне получит страховку и, таким образом, набьет карманы дополнительной прибылью.

Томпсон оторвал взгляд от тарелки с супом.

— Он никогда раньше не был замечен в мошенничестве. Вы с ним не ладите, но Малоун честный человек. Он дорожит своей репутацией.

— Он умеет лгать в глаза, я в этом убедился сегодня утром, — сухо произнес Вулф.

— Забудьте то, что произошло между вами! У меня сегодня был трудный разговор с Малоуном. Я напомнил ему, что во время плавания мы все должны держаться как одна команда, не допуская ссор. Вы, кстати, тоже должны быть сдержаннее.

— А вы напомнили этому сукину сыну, что именно я снабжал его имбирным чаем во время сильной качки?

— Напомнил.

Вулф отодвинул пустую тарелку и откинулся на спинку стула.

— Эти Малоуны довольно странные люди, вы не находите?

— Что значит, странные?

— Ну, вы видели много женщин, лазающих по корабельным канатам?

Томпсон пожал плечами.

— А вы видели много кобелей с кличкой Джулия?

Приняв ванну, Вулф уселся у огня, положив босые ступни на теплую мохнатую Джулию, и стал что-то вырезать из деревянного бруска. Рядом на столике стояла кружка горячего ароматного чая «Формоза улун» и были разложены осколки разбитого стакана, которые Вулф не стал выбрасывать. Время от времени он брал один из осколков и прикладывал его к деревяшке.

Джулия внезапно подняла голову и завывала.

— Чего ты воешь? Это я вчера напился до чертиков, а не ты, — пробормотал Вулф, погладив собаку ступней.

Дверь позади него открылась, и Вулфа обдало холодом. Джулия насторожилась, но когда дверь захлопнулась, снова улеглась и заснула. В нос Вулфу ударил сладковатый аромат роз.

Он догадался, что это была Алана. Она смело прошла в каюту, выдвинула стул и села сбоку так, что ее колени слегка касались бедра Вулфа. На ней было закрытое синее платье в тон глазам, с высоким воротом и длинными рукавами, и такого же цвета шляпка. Волосы были аккуратно зачесаны назад и собраны в тугий пучок.

— Что-то ваше семейство зачастило ко мне... — пробормотал Вулф и тряхнул головой, чтобы немного прийти в себя. Визит Аланы взволновал его, но он не хотел этого показывать. — О, нет, с меня на сегодня, пожалуй, хватит! — Он отбросил нож и встал. — Я провожу вас до двери.

Алана вцепилась в сиденье стула, как упрямый ребенок. Вулф шумно втянул воздух, пытаясь сохранять самообладание.

— Надеюсь, вы заметили, что я возмущен вашим бесцеремонным вторжением в мою каюту. Я уверен, что вы могли бы с большей пользой и удовольствием провести это время.

— Я пришла извиниться за поведение моего отца и...

— Спасибо. А теперь извините, но вы должны уйти, пока ваш отец не хватился вас. Если он обнаружит вас здесь, то снова во всем обвинит меня, а мне очень не хотелось бы этого. Подозреваю, мисс Малоун, что ни он, ни ваша мать не имеют ни малейшего представления, что вы здесь.

— ...и сообщить вам, — продолжала Алана как ни в чем не бывало, — что, если вы сделаете мне предложение выйти за вас замуж, я дам согласие.

— Что?! — вскричал изумленный Вулф и наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Он долго смотрел на нее, не веря своим ушам, но, судя по выражению лица Аланы, ее слова не были шуткой или издевкой. От сильного аромата роз у Вулфа кружилась голова. Влажные пухлые губы девушки манили его.

— Уходите, мисс Малоун.

Однако Алана не тронулась с места и не мигая смотрела ему в глаза. «Может быть, она сумасшедшая?» — мелькнуло в голове Вулфа. Боль в висках усилилась.

— Что вы задумали? Вы хотите убить меня?

— Мой отец неправильно повел себя. То, что произошло сегодня между вами, вызывает у меня сильную тревогу.

— Если вы беспокоитесь по этому поводу, то что тогда говорить обо мне? Может быть, вы все же проявите ко мне сострадание и уберетесь восвояси? — В его голосе слышался едва

сдерживаемый гнев.

Алана с упрямой решимостью вздернула подбородок.

— Пока вы не потеряли контроль над собой, я... — начала было она.

— Уже поздно говорить об этом, мисс Малоун, — перебил ее Вулф. — У меня лопнуло терпение! Убирайтесь отсюда, испорченная девчонка, мне не до ваших безумных затей! Иначе я не отвечаю за себя, я выставлю вас за дверь силой, и это приведет меня в еще большую ярость, потому что я не воюю с женщинами, но вы заставите меня начать эту войну!

— Я не уйду, пока...

Вулф решил сменить тактику и испугать девушку, домогаясь ее. Он наклонился к ней ближе.

— Вы пытаетесь соблазнить меня?

— Нет.

Дерзкий взгляд Аланы напомнил ему тот вечер, когда он впервые обратил на нее внимание. Вулф плюхнулся на стул и придвинулся вплотную к мисс Малоун. Положив одну руку на спинку ее стула, другой он уперся в край сиденья. «Если сейчас кто-нибудь войдет в каюту, я погиб», — подумал Вулф.

Он был так близко от нее, что чувствовал ее дыхание на своих губах и улавливал теперь аромат не только роз, но и ромашкового мыла. Алана моргнула и уставилась на него ледяным взглядом, как снежная королева.

По-видимому, мисс Малоун было не занимать самообладания, но Вулф решил идти до конца и напугать ее до полусмерти, чтобы она утратила контроль над собой. Если Алана психически нездорова, это скоро выяснится. В любом случае, нужно заставить ее уйти из каюты как можно скорее.

— Мне кажется, я понял, чего вы хотите, — прошептал Вулф, разглядывая лицо Аланы сквозь полуопущенные ресницы. Ее чувственные, чуть приоткрытые губы возбуждали его. — Томпсон рассказывал мне о вашем женихе, домашнем скучном парне, постоянно шмыгающем носом. Богатство — его единственное достоинство.

Вулф сделал паузу. Алана смотрела на него с непроницаемым лицом.

— Значит, мисс Малоун, вы решили немного пошалить, поразвлечься со мной, прежде чем погрузиться в рутину семейной жизни?

Алана сидела не шевелясь. Вулф дерзко положил ладонь ей на колено, но и тогда ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Я никогда не выйду замуж за эту свинью, — ровным голосом произнесла она.

— Значит, вы хотите, чтобы я спас вас? Я — ваша последняя надежда?

— Сначала повзрослейте.

— Нет, Алана Малоун, это вам надо повзрослеть. — Голос Вулфа был обманчиво спокойным. — Вы хоть понимаете, как опасно оставаться наедине с мужчиной? Вы представляете, что мог бы сделать другой на моем месте?

— Ну что ж, просветите меня, — насмешливо сказала Алана.

Его рука молниеносно скользнула под подол платья и легла на обнаженное бедро. Вулфа охватило изумление.

— О боже, где ваши панталоны?

— Я их не ношу.

— Это возмутительно!

— Только для того, кто залез мне под платье.

Ее синие глаза были безмятежно-спокойны. Как ни пытался, Вулф долго не мог оправиться от потрясения. Его ладонь застыла на гладкой коже женского бедра. От тела Аланы исходил жар. Кончики его пальцев касались жестких завитков волос. Пульс Вулфа участился.

— А если ударят холода? — спросил он, пытаясь шутить.

— Тогда надену.

— А вы...

— Да, — ответила Алана, не дослушав вопрос.

— Откуда вы...

— Откуда я знаю, о чем вы хотели спросить?

Вулф кивнул.

— Вы очень предсказуемы, Вулф. Все вопросы написаны на вашем лице. Вы хотели спросить, девственница ли я. Ответ заключается в том, что меня не возбуждает хлюпающий носом мужчина, поэтому я не только не сплю с ним, но даже не целуюсь. Кстати, я не умею целоваться, поэтому вам придется научить меня этому.

— Вы хотите начать прямо сейчас?

Вулф положил другую руку ей на затылок.

— Нет, лучше позже, — она говорила без всякого лукавства.

Ее глаза слегка затуманились.

— Хоть убейте меня, Алана, я вас не понимаю!

Его чувства пришли в смятение. Вулф никогда не сталкивался со столь странными женщинами. Обычно он общался с горничными в отелях и официантками, от которых ему нужно было только одно — плотские утехи. Сейчас все мысли Вулфа были заняты поисками убийцы матери, поэтому ему было недосуг копаться в душе Аланы.

Однако она возбуждала в нем сильную страсть, и этого нельзя было отрицать.

Сердце Аланы бешено билось и, казалось, было готово выпрыгнуть из груди, но ей удавалось сохранять внешнее спокойствие. Несколько мгновений в каюте стояла тишина. Алана и Вулф молча смотрели друг другу в глаза.

— Вы пожираете меня жадным взглядом, — наконец произнесла она.

— Вы меня боитесь?

— Нет, это вы боитесь меня.

— С чего вы взяли? — с усмешкой спросил Вулф.

Решимость Аланы с каждой минутой только крепла. Теперь она не сомневалась в том, что Вулф являлся именно тем человеком, который был ей нужен. Она должна заставить его подчиниться, не выдавая своей тайны.

— Я вижу это по вашему поведению. Агрессия свидетельствует о страхе, а страх появляется у человека тогда, когда он слаб.

Вулф пристально посмотрел на нее и внезапно коснулся губами ее щеки.

Мисс Малоун бросило в жар. Вулфу, разумеется, хотелось большего, но он не мог себе этого позволить. Алана знала, что Вулф не перейдет запретную черту, поэтому и не уходила. Он неохотно убрал руку с бедра девушки и поправил подол ее платья.

Алана не сводила с Вулфа глаз. Она заметила, что его ноздри трепещут.

— Вы уловили мой запах, сэр?

Он засмеялся.

— Что?

— Мой запах. Он будоражит вас.

— Что вам от меня надо, Алана?

— Вы хотите меня, не правда ли?

Вулф втянул в себя воздух.

— Еще раз повторяю, Алана, этот разговор кажется мне абсурдным. Вам лучше уйти.

— Вы гоните меня, но на самом деле вам хочется, чтобы я осталась.

— И что дальше? — с усмешкой произнес Вулф.

— Вы очарованы мной, сэр.

— Что с вами, Алана Малоун? Вы бредите? — Он подался вперед. — А вы уловили мой запах?

— Давно, — ответила она.

Некоторое время они сидели молча. Алана ощущала ровное дыхание Вулфа на своей щеке. А потом он закрыл глаза и поцеловал ее в губы, а скорее слегка прикоснулся. Открыв глаза, Вулф внимательно посмотрел на Алану.

— Значит, я для вас рыцарь в сияющих доспехах? — В его голосе сквозила издевка.

— Да.

— Но я вам не подхожу.

От его пылкого взгляда Алана чувствовала жар внизу живота. Она судорожно вздохнула, не в силах скрыть волнения.

— Не обольщайтесь, я вижу вмятины на вашей броне. Вы не безупречны. Скорее наоборот, у вас много недостатков.

— Значит, вмятины на броне небезупречного рыцаря вас возбуждают?

Вулф говорил шутливым тоном, однако Алана оставалась серьезной. И не сводила с него пристального взгляда.

— О, мне не нужен рыцарь без страха и упрека. Если на доспехах рыцаря нет вмятин, значит, он никогда не был в бою, никогда не сражался за свою честь, принципы или просто за выживание. Рыцаря без недостатков нельзя назвать полноценным, сэр.

— А что, если рыцарь исправил свои недостатки? Или, скажем, надел новые доспехи?

— Хороший рыцарь не бросит испытанную в боях броню. Возможно, он отремонтирует свои доспехи, однако они никогда не будут выглядеть как новые. И мне не нужен тот, кто надевает новые сияющие доспехи. Такой рыцарь хочет казаться тем, кем он не является на самом деле, или таким, каким его хотят видеть другие.

Вулф долго смотрел на нее, чувствуя, как его возбуждение усиливается.

— Я думаю, Вулф, мне пора уходить, — прервала молчание Алана.

— Почему вы называете меня просто Вулфом, а не мистером Вулфом, как ваши родители?

— Потому что Вулф — это ваше имя, а не фамилия, — с усмешкой ответила мисс Малоун.

— Откуда вы это знаете?

Алана следила за движением его чувственных губ, любуясь их красотой.

— Так мне сказали в отеле Сан-Франциско.

— Понятно, — произнес он и вдруг почувствовал, что его накрывает волна непреодолимого желания. Вулф подался вперед. — Скажите, чтобы я остановился, Алана Малоун, потому что я за себя уже не отвечаю...

Однако вместо резких слов он услышал учащенное дыхание гостьи. Она закрыла глаза, и Вулф обхватил ладонями ее лицо.

— О боже... — вырвалось из его груди, и он припал к ее мягким нежным губам в страстном поцелуе.

От Аланы исходил смешанный запах мяты и чая. Когда язык Вулфа коснулся ее языка, каждый нерв в теле мисс Малоун ожил. Алану бросило в дрожь. Она впервые в жизни испытывала столь сильное наслаждение. Наконец Вулф отстранился, его грудь вздымалась.

— Вы должны уйти.

Алана кивнула и направилась к двери.

— Алана! — окликнул ее Вулф.

Она уже вышла за порог, но остановилась и обернулась.

— Да?

— Вы никогда не ездите в женском седле, я прав? Вы ездите как мужчина, — произнес он, подходя к мисс Малоун.

Она рассмеялась, поняв, что Вулф хочет разрядить возникшее напряжение.

— Как вы догадались?

Ее губы изогнулись в улыбке. Вулф прислонился к косяку.

— У вас сильно развиты мышцы ног. И еще одно обстоятельство натолкнуло меня на эту мысль.

— Какое?

— Кинжал, слишком высоко привязанный к вашей левой ноге. До него трудно добраться, сидя в женском седле. В момент опасности на это потребуется слишком много драгоценного времени.

Алана скрестила на груди руки.

— Это не кинжал, а скин ду^[2].

— Ах да, конечно! — Синие глаза Вулфа сияли озорством. — Но откуда у вас скин ду? Или это в вас говорит шотландская кровь?

— А как вы, бродяга с Дикого Запада, узнали о том, что такое скин ду?

[Купить полную версию книги](#)

От англ. «wolf» — «волк».

Предмет национального шотландского мужского костюма, который носят за краем гольфа.